

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ К КОНЦУ XIX ВЕКА

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1932

Государственная
историческая
библиотека

625189 ~~W~~

~~М. П.
Наблюдения историк
Народов~~

1812

Задача настоящей статьи — дать краткий очерк всей совокупности общественно-экономических отношений в русском сельском хозяйстве. Такая работа не может носить характера специального исследования. Она должна подвести итоги марксистскому исследованию, указать место каждой сколько-нибудь крупной черты нашей сельско-хозяйственной экономики в общем строе русского народного хозяйства, обрисовать общую линию развития аграрных отношений в России и вскрыть те классовые силы, которые определяют так или иначе это развитие. Мы рассмотрим поэтому с указанной точки зрения землевладение в России, затем помещичье и крестьянское хозяйство, а в заключение дадим общие выводы о том, к чему привела наша эволюция в течение XIX века и какие задачи завещала она XX веку.

I

Землевладение в Европейской России к концу XIX века мы можем обрисовать по данным новейшей поземельной статистики 1905 года (издание Центрального статистического комитета, Спб., 1907).

Всего земель в Евр. России было на учете по этому исследованию 395,2 млн. десятин. Распределение их на три основные группы таково:

I группа — частные владения	101,7 млн. десятин
II » » надельные земли	13,8 » »
III » » земли казны и пр.	154,7 » »

Всего в Европ. России — 395,2 млн. десятин

Надо сказать, что в число казенных земель наша статистика вводит свыше сотни миллионов десятин на дальнем севере, в губерниях Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Громадную долю казенных земель надо выбрасывать, раз речь идет о действительном сельско-хозяйственном фонде Евр. России. В своей работе об аграрной программе социал-демократов в русской революции (работа эта написана в конце 1907 г., но выход ее в свет задержался

по независящим от автора обстоятельствам) я определяю действительный сельско-хозяйственный фонд Европ. России приблизительно в 280 млн. дес. *. Из казенных земель сюда входит не полтора миллиона, а всего 39,5 млн. десятин. Следовательно, вне собственности помещичьей и крестьянской остается в Евр. России *менее одной седьмой* доли земельной площади. Шесть седьмых находится в руках двух антагонистических классов.

Посмотрим на землевладение этих классов, различающихся между собою и как сословия, ибо большая часть частновладельческих земель дворянские земли, а наделенные земли — крестьянские. Из 101,7 млн. дес. частновладельческой земли 15,8 млн. принадлежат обществам и товариществам, а остальные 85,9 млн. дес. находятся в личной собственности. Вот распределение этой последней по сословиям за 1905 и, параллельно, за 1877 год:

Сословия владельцев:	Принадлежит				В 1905 году	
	в 1905 году		в 1877 году		увеличилось + уменьшилось —	
	млн. десятин	о/о	млн. десятин	о/о	млн. десятин	во сколько раз
Дворянам	53,2	61,9	73,1	79,9	— 19,9	— 1,40
Духовным лицам	0,3	0,4	0,2	0,2	+ 0,1	+ 1,74
Купцам и почетным гражданами	12,9	15,0	9,8	10,7	+ 3,1	+ 1,30
Мещанам	3,8	4,4	1,9	2,1	+ 1,9	+ 1,85
Крестьянам	13,2	15,1	5,8	6,3	+ 7,4	+ 2,21
Прочим сословиям	2,2	2,5	0,3	0,3	+ 1,9	+ 8,07
Иностраным подданным	0,3	0,4	0,4	0,5	— 0,1	— 1,52

Всего личным соб-

ственности кам — 85,9 100,0 91,5 100,0 — 5,6 — 1,09

Итак, главные личные собственники в России дворяне. Им принадлежит громадное количество земель. Но направление развития состоит в том, что дворянское землевладение уменьшается. Растет и чрезвычайно быстро растет бессословность землевладения. Всего быстрее за период 1877 — 1905 гг. увеличилось землевладение «прочих сословий» (в восемь раз за 28 лет) и затем крестьян (более чем вдвое). Крестьяне все более и более выделяют, следовательно, такие социальные элементы, которые превращаются в частных поземельных собственников. Это факт общий. И мы должны будем, при анализе крестьянского хозяйства, вскрыть тот общественно-экономический ме-

* См. статью «Аграрная программа социалдемократии в первой русской революции 1905 — 1907 годов», Сочинения, тт. XI, стр. 329 — 498. *Ред.*

ханизм, который производит такое выделение. Пока необходимо точно установить, что развитие частной поземельной собственности в России состоит в переходе от условности к бессловности. К концу XIX века феодальная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности, но развитие идет явно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-на-просто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот; в дальнейшем изложении мы увидим, что размеры этого втягивания еще во много раз сильнее, чем показывают одни только данные о землевладении.

Но до какой степени сильна еще «власть земли», т.-е. власть средневекового землевладения крепостников-помещиков в России к концу XIX века, это особенно наглядно видно из данных о распределении частной поземельной собственности по размерам владения. Источник, которым мы пользуемся, выделяет особенно подробно данные о крупнейшем частном землевладении. Вот общее распределение по размерам владения:

Группы владений		Владений	Земли десятин	В среднем на 1 владение десятин
10	дес. и менее	409 864	1 625 226	3,9
10 —	50 »	209 119	4 891 031	23,4
50 —	500 »	106 065	17 326 495	163,3
500 —	2 000 »	21 748	20 590 708	947
2 000 —	10 000 »	5 386	20 602 109	3825
Свыше	10 000 »	699	20 798 504	29 754
Всего свыше 500 десятин —		27 833	61 991 321	2 227
Итого в Европ. России —		752 881	85 834 073	114

Отсюда видно, что в частном личном землевладении мелкая собственность играет ничтожную роль. Шесть седьмых всего числа землевладельцев, 619 тысяч из 753 тыс., владеют всего $6\frac{1}{2}$ млн. десятин. Наоборот, латифундии * имеются необъятные: *семьсот* собственников владеют в среднем по *тридцать тысяч десятин* каждый. У этих *семисот человек* втрое больше земли, чем у *шестисот тысяч*

* крупное земельное владение. Ред.

мелких землевладельцев. И латифундии вообще составляют отличительную черту русского частного землевладения. Выделяя все владения свыше 500 дес., получаем двадцать восемь тысяч собственников, владеющих 62 млн. дес., т.-е. в среднем по 2 227 дес. на каждого. В руках этих 28 тыс. три четверти всего частного землевладения *. По сословиям владельцев эти громадные латифундии преимущественно дворянские. Из 27 833 владений 18 102, т.-е. почти две трети, принадлежат дворянам, и земли у них $44\frac{1}{2}$ млн. дес., т.-е. свыше 70% всего количества земли под латифундиями. Ясно таким образом, что в России к концу XIX века громадное количество земель — и притом, как известно, лучших по качеству земель — сосредоточено попрежнему (по средневековому) в руках привилегированного дворянского сословия, в руках вчерашних крепостников-помещиков. О том, какие формы хозяйства складываются на таких латифундиях, мы будем подробно говорить ниже. Теперь же добавим лишь краткое указание на тот общеизвестный факт, в литературе ярко обрисованный г. Рубакиным, что высшие сановники бюрократии фигурируют один за другим в числе этих владельцев дворянских латифундий.

Перейдем к наделному землевладению. За исключением 1,9 млн. дес., не распределенных по размерам землевладения, остальная масса, 136,9 млн. дес., находится во владении $12\frac{1}{4}$ млн. крестьянских дворов. В среднем это дает по 11,1 дес. на двор. Но и наделная земля распределена неравномерно: почти половина ее, 64 млн. дес. из 137, находится в руках 2,1 млн. богатых земель дворов, т.-е. *одной шестой* общего числа.

Вот сводные данные о распределении наделной земли в Евр. России:

Группы дворов	Дворов	Десятина	В среднем на 1 двор десятин
До 5 десятин	2 857 650	9 030 333	3,1
» 5 — 8 »	3 317 601	21 706 550	6,5
Всего до 8 десятин	6 175 251	30 736 883	4,9
До 8 — 15 десятин	3 932 485	42 182 923	10,7
» 15 — 30 »	1 551 904	31 271 922	20,1
Свыше 30 »	617 715	32 695 510	52,9
Итого в Евр. России	12 277 355	136 887 238	11,1

*. Чтобы не пестрить текста цитатами, отметим здесь сразу, что

Итак, больше половины наделных дворов — 6,2 млн. из 12,3 — имеют до 8 дес. на двор. В общем и среднем по всей России это — количество, безусловно недостаточное для содержания семьи. Чтобы судить о хозяйственном положении этих дворов, напомним общие данные военноконских переписей (единственной статистики, охватывающей периодически и регулярно всю Россию). По 48 губ. Евр. России, т.-е. за исключением Донской области и Архангельской губ., в 1896 — 1900 гг. насчитано было 11 112 287 крестьянских дворов. Из них безлошадных оказалось 3 242 462, т.-е. 29,2%. Однолошадных 3 361 778 дворов, т.-е. 30,3%. Известно, что такое безлошадный крестьянин в России (разумеется, мы берем здесь валовые итоги, а не какие-нибудь исключительные районы молочного хозяйства в пригородах, табаководства и т. п.). Известна также нужда и нищета крестьянина однолошадного. Шестимиллионная масса дворов — это значит от 24 до 30 млн. населения. И все это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью. Если предположить, что для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 дес., то получим 10 млн. крестьянских дворов, стоящих ниже этого уровня, и у них 72,9 млн. дес. земли.

Далее. По отношению к наделному землевладению необходимо отметить одну, чрезвычайно важную черту его. Неравномерность распределения наделной земли между крестьянами неизмеримо меньше, чем неравномерность распределения частновладельческой земли. Но зато среди наделных крестьян есть масса другого рода различий, делений, перегородок. Это — различия между разрядами крестьян, исторически сложившимися в течение долгих веков. Чтобы показать наглядно эти перегородки, возьмем сначала огульные данные во всей Евр. России. Статистика 1905 г. дает такие основные разряды. Крестьяне бывшие владельческие — в среднем по 6,7 дес. наделной земли на двор. Бывшие государственные — 12,5 десятин. Бывшие удельные — 9,5 десятин. Колонисты — 20,2 десятины. Чиншевики — 3,1 десятины. Резеши — 5,3 де-

большинство данных взято из вышеуказанной работы и из «Развития капитализма в России», 2 изд., Спб., 1908 г. (см. III том Сочинений, стр. 1 — 477. *Ред.*).

сятины. Башкиры и тептяри* — 28,3 десятины. Прибалтийские крестьяне — 36,9 десятин. Казаки — 52,7 десятин. Уже отсюда видно, что наделное землевладение крестьян — чисто-средневековое. Крепостное право до сих пор живет в той массе перегородок, которые остались между крестьянами. Разряды отличаются между собой не только количеством земли, но и размерами платежей, условиями выкупа, характером землевладения и т. д. Возьмем вместо огульных данных о всей России данные по одной губернии, и мы увидим тогда, что значат все эти перегородки. Вот земско-статистический сборник по Саратовской губернии. Кроме обще-русских разрядов, т.-е. упомянутых уже нами выше, мы видим здесь, что местные исследователи отличают разряды крестьян дарственников, полных собственников, государственных с общинным владением, государственных с четвертным владением, государственных из помещичьих, арендаторов казенных участков, поселян-собственников, переселенцев, вольноотпущенников, безоброчных, свободных хлебопашцев, бывших фабричных и т. д. Эта сеть средневековых перегородок доходит до того, что иногда крестьяне одной и той же деревни делятся на две совершенно различные категории «бывших г-на N. N.» и «бывших г-жи M. M.». Наши писатели либерально-народнического лагеря, не умеющие смотреть на русские хозяйственные отношения с точки зрения развития, как на смену крепостнических порядков буржуазными, обыкновенно игнорируют этот факт. На самом же деле история России XIX века и особенно ее непосредственный результат — события начала XX века в России — совершенно не могут быть поняты, если не оценить всего значения этого факта. Страна, в которой происходит рост обмена и развитие капитализма, не может не переживать кризисов

* Речь идет о некоторых остатках крепостнических и полукрепостнических отношений. *Чиншевики* — вечно-наследственные арендаторы земли. Размер аренды был зафиксирован законодательным порядком. В России чиншевые отношения преимущественно существовали в Польше, Литве и на Украине. В Белоруссии и правобережной Украине эта форма землепользования сохранялась до Октябрьской революции. *Резеши* — в Бессарабии частные владельцы имений, но их владение землей основывалось на началах общинного самоуправления по местным законам. Резеши владели землей наследственно, но в случае продажи обязаны были уступать ее преимущественно другим резешам того же селения. *Тептяри* — ново-башкиры, — отатарившиеся финские племена, живущие среди башкир, главным образом, в пределах б. Оренбургской, Самарской и Уфимской губерний. *Ред.*

всякого рода, если в главной отрасли народного хозяйства средневековые отношения являются на каждом шагу тормозом и помехой. Пресловутая община, о значении которой нам еще придется говорить, не оберегая крестьянина от пролетаризации, на деле играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян, точно прикованных к мелким союзам и к потерявшим всякий «смысл существования» разрядам.

Прежде чем переходить к заключительным выводам о землевладении в Евр. России, надо указать еще на одну сторону дела. Ни данные о количестве земли у «верхних 30 тысяч» помещиков и у миллионов крестьянских дворов, ни данные о средневековых перегородках в крестьянском землевладении недостаточны еще для учета действительных размеров того, до какой степени «утеснен», прижат и задавлен наш крестьянин живыми остатками крепостничества. Во-первых, земли, оставленные в надел крестьянам после той экспроприации крестьян в пользу помещиков, которая называется великой реформой 1861 г., несравненно хуже качеством, чем земли помещичьи. Об этом свидетельствует вся громадная литература местных описаний и исследований земской статистики. Об этом имеются неопровержимые массовые данные, показывающие меньшую урожайность крестьянских земель по сравнению с помещичьими; общепризнано, что эта разница в первую голову зависит от худшего качества наделных земель и лишь затем от худшей обработки и от прорех нищенского крестьянского хозяйства. Во-вторых, в массе случаев земли крестьянам при «освобождении» их от земли помещиками в 1861 г. отмежеваны таким образом, что крестьяне оказались в западне у «своего» помещика. Русская земско-статистическая литература обогатила науку политическую экономию описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь виданного еще на свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это — хозяйство *посредством отрезных земель*. Крестьяне «освобождены» в 1861 г. от необходимых для их хозяйства водопоев, выгонов и т. п. Крестьянские земли вкroены клином между помещичьими, так чтобы господам помещикам был обеспечен чрезвычайно верный — и чрезвычайно благородный — доход от взысканий за потравы и пр. «Куренка некуда выпустить», — эта горькая крестьянская правда, этот «юмор висельника» лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладе-

ния, которая не поддается статистическому выражению. Нечего и говорить, что эта особенность есть чистейшей воды крепостничество, как по своему происхождению, так и по влиянию на способ организации помещичьего хозяйства.

Теперь мы перейдем к заключениям относительно землевладения в Евр. России. Мы показали условия помещичьего и крестьянского землевладения, взятых в отдельности. Мы должны взглянуть теперь на них в их связи. Для этого возьмем приведенную выше приблизительную цифру о величине земельного фонда в Евр. России — 280 млн. дес. — и посмотрим, как вся эта масса распределяется между земельными владениями разного типа. Каковы эти типы, будет показано подробно в дальнейшем изложении, и теперь, забегаая несколько вперед, мы возьмем основные типы предположительно. Земельные владения размером до 15 дес. на двор мы отнесем к первой группе — разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией. Вторую группу составит среднее крестьянство — владение от 15 до 20 десятин. Третью — зажиточное крестьянство (крестьянская буржуазия) и капиталистическое землевладение от 20 до 500 десятин. Четвертую — крепостнические латифундии, — свыше 500 десятин. Соединяя по этим группам и крестьянское и помещичье землевладение вместе и производя небольшие округления * и примерные исчисления (подробно указываемые мною в названной выше работе), мы получим следующую картину русского землевладения к концу XIX века. (См. табл. на стр. 11.)

Повторяем: правильность экономической характеристики взятых здесь групп будет доказана в дальнейшем изложении. И если частности этой картины (которая по существу дела не может не быть приблизительной) вызовут критику, то мы попросим читателя внимательно следить за тем, чтобы за критикой частных нелзя было контрабандой провести отрицания *сути* дела. А эта суть дела состоит в том, что на одном полюсе русского землевладения мы имеем $10\frac{1}{2}$ млн. дворов (около 50 млн. населения) с 75 млн. дес. земли, а на другом полюсе *тридцать тысяч семей* (тысяч около полутора ста населения) с 70 млн. дес. земли.

* Напр., к латифундиям добавлено сверх 62 млн. дес. помещичьих земель 5,1 млн. дес. удельных и 3,6 млн. дес. у 272 торгово-промышленных товариществ, имеющих каждое свыше 1 000 десятин.

Землевладение в Европейской России к концу XIX века:

	Число владений десятии (: миллионах)	На владение дес.
а) Разоренное крестьянство, при- давленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0
б) Среднее крестьянство	1,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевла- дение	1,5	70,0
г) Крепостнические антифунд. и	0,03	70,0
Всего	13,03	230,0
Не распределено по разбе- рам владений		50,0
Итого	13,03	280,0

Нам остается теперь, чтобы покончить с вопросом о землевладении, выйти за пределы Европейской собственно России, и рассмотреть в общих чертах значение колони-зации. Чтобы дать читателю некоторое представление о всем земельном фонде Российской империи (кроме Фин-ляндии), воспользуемся данными г. Мертваго. Для нагляд-ности мы приведем их в табличной форме и добавим цифры населения по переписи 1897 года.

	Всего земли		В том числе		В том числе угодия				Население 1897 г.	
	Кв. верст тысяч	Десятки млн.	Земли, о кото- рой нет ника- ких след. млн. а.	Земли на учете млн. дес.	Пашни	Покоса	Леса	Итого	Всего тыс.	На 1 кв. версту
					Миллионы десятиин					
10 губ. Царства Польского	111,6	11,0	—	11,6	7,4	0,9	2,3	10,8	9 402,2	84,3
33 губ. на запад от Волги	1 753,6	183,0	—	183,0	93,6	18,7	31,0	146,3	—	—
12 губ. на сев. и вост. от Волги	2 474,9	238,0	—	238,0	22,3	7,1	132,0	161,4	—	—
Итого 30 г. Евр. России	4 230,3	411,0	—	411,0	123,3	26,7	168,3	318,3	93 442,9	22,1
Кавказ	411,7	42,9	22,1	20,8	6,3	2,2	2,3	11,2	9 289,4	22,6
Сибирь	10 966,1	1 142,6	639,7	302,9	4,3	3,9	121,0	129,2	3 738,8	0,3
Ср. Азия	3 141,6	327,3	137,4	169,9	0,0	1,6	8,0	10,3	7 746,7	2,3
Итого Азиатск. России	14 519,4	1 512,8	819,2	693,6	11,7	7,7	131,3	150,9	—	—
Всего Российск. империя	18 861,3	1 963,4	819,2	1 146,2	135,0	34,1	300,0	469,4	123 640,0	6,7

Из этих цифр ясно видно, как мало мы еще знаем об окраинах России. Конечно, думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости. Не подлежит ни малейшему сомнению, что предлагать такое «решение» могут только шарлатаны, что те противоречия старых латифундий в Евр. России новым условиям жизни и хозяйства в той же Евр. России, которые мы показали выше, должны быть «разрешены» тем или иным переворотом в *Евр. России*, а не вне ее. Не в том дело, чтобы переселением избавлять крестьян от крепостничества. Дело в том, что на-ряду с аграрным вопросом центра стоит аграрный вопрос колонизации. Не в том дело, чтобы заслонять кризис в Евр. России вопросом о колонизации, а в том, чтобы показать губительные результаты крепостнических латифундий и на центр и на окраины. Русскую колонизацию *тормозят* остатки крепостничества в центре России. Иначе как аграрным переворотом в Евр. России, и не как освобождением крестьян от гнета крепостнических латифундий *нельзя* освободить и урегулировать русской колонизации. Это урегулирование должно состоять не в бюрократических «заботах» о переселении и не в «организации переселений», о которой любят говорить писатели либерально-народнического лагеря, а в устранении тех условий, которые осуждают русского крестьянина на темноту, забитость и одичание в вечной кабале у владельцев латифундий.

Г. Мертваго в брошюре, написанной им вместе с г. Прокоповичем («Сколько в России земли, и как мы ею пользуемся?» М., 1907), справедливо указывает на то, что рост культуры превращает неудобные земли в удобные. Академики Бер и Гельмерсен, знатоки дела, писали в 1845 г., что таврические степи *«всегда будут принадлежать к беднейшим и неудобовозделываемым по климату и недостатку в воде!»*. Тогда население Таврической губ. производило 1,8 млн. четвертей хлеба. Через 60 лет население удвоилось и производит 17,6 млн. четвертей, т.-е. почти вдесятеро больше.

Это очень верное и важное рассуждение, но только г. Мертваго забыл одно: главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было *падение крепостного права* в центре России. Только переворот в центре дал возможность быстро, широко, по-американски, заселить юг и индустриализировать его (про американский

рост юга России после 1861 г. говорено ведь очень и очень много). И теперь только переворот в Европейской России, только полное устранение в ней остатков крепостничества, избавление крестьян от средневековых латифундий в состоянии *действительно* открыть новую эру колонизации.

Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец XIX века ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в «исконных» русских губерниях; тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затяжка аграрного вопроса в центре; тогда неизбежна долгая задержка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций и в колонизационном деле. В первом случае земледелие будет вести свободный фермер, во втором кабальный мужик и «хозяйничающий» посредством отрезных земель барин.

II

Переходим к организации помещичьего хозяйства. Общеизвестно, что основной чертой этой организации является соединение капиталистической системы («вольный наем») с отработочной. Что же такое эта отработочная система?

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на организацию помещичьего хозяйства при крепостном праве. Всем известно, чем было крепостное право с точки зрения юридической, административной, бытовой. Но очень редко задаются вопросом о том, в чем была сущность экономических отношений помещиков и крестьян при крепостном праве. Крестьян наделяли тогда землей помещики. Иногда они ссужали крестьянам и другие средства производства, напр., лес, скот и т. п. Какое же значение имело это наделение крепостных крестьян помещичьей землей? Надел был тогда *формой заработной платы*, если говорить применительно к современным отношениям. В капиталистическом производстве заработная плата рабочему выплачивается деньгами. Прибыль капиталиста реализуется в виде денег. Необходимый и прибавочный труд (т.-е. труд, оплачивающий содержание рабочего, и труд, дающий неоплаченную прибавочную стоимость капиталисту) соединены вместе в один процесс труда на фабрике, в один фаб-

ричный рабочий день и т. д. Иначе обстоит дело в барщинном хозяйстве. Необходимый и прибавочный труд есть и здесь, как есть он и в рабском хозяйстве. Но эти оба вида труда разделены во времени и в пространстве. Крепостной крестьянин три дня работает на барина, три дня на себя. На барина он работает на помещичьей земле или над помещичьим хлебом. На себя он работает на наделной земле, добывая сам для себя и для своей семьи тот хлеб, который необходим на содержание рабочей силы для помещика.

Следовательно, крепостная или барщинная система хозяйства одинакова с капиталистической в том отношении, что в обеих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства. Отличается же система крепостного хозяйства от капиталистической в трех следующих отношениях. Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство, капиталистическое же — денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является *прикрепление* работника к земле, наделение его землей, в капиталистическом же — освобождение работника от земли. Для получения дохода (т.-е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно безземельного, бесхозяйного работника, вынужденного продавать свою рабочую силу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть *лично зависим* от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как *под принуждением*. Система хозяйства порождает здесь «вне-экономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д. Напротив, «идеальный» капитализм есть полнейшая свобода договора на свободном рынке — между собственником и пролетарием.

Только отчетливо уяснив себе эту экономическую сущность крепостного или, что то же, барщинного хозяйства, мы можем понять историческое место и значение отработков. Отработки, это — прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это — переход от барщины к капитализму. Сущность отработков в том, что помещичьи

земли обрабатывают крестьяне своим инвентарем за плату частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем исполщины форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяйства *необходим* наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был *задавлен* нуждой и шёл в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд *втридешева*.

Чтобы нагляднее показать это, возьмем данные департамента земледелия, — источник, стоящий выше всяких подозрений в недоброжелательстве к господам землевладельцам. Известное издание «Вольнонаемный труд в хозяйстве и т. д.» (вып. V «С.-х. и стат. свед., получ. от хозяев». Спб., 1892) дает сведения о средней черноземной полосе за 8 лет (1883—1891): средней платой за полную обработку крестьянским инвентарем одной десятины озимого хлеба надо считать 6 руб. Если же рассчитать стоимость тех же работ по вольному найму, то получаем — говорит то же издание — 6 р. 19 к. только за пеший труд, *не считая* работы лошади; эту работу нельзя считать меньше 4 р. 50 к. (цит. изд., с. 45; «Развитие капитализма в России», с. 141*). Следовательно, вольнонаемная цена равняется 10 р. 69 к., отработочная же — 6 р. Как объяснить это явление, если оно представляет из себя не случайное, не единичное что-либо, а нормальное и обычное? Такие слова, как «кабала», «ростовщичество», «лихоимство» и т. п., описывают форму сделки и характер ее, но не объясняют ее хозяйственной сущности. Как может крестьянин в течение ряда лет исполнять за 6 р. работу, которая стоит 10 р. 69 коп.? Крестьянин *может* это делать потому, что его надел покрывает часть расходов крестьянской семьи и *позволяет* понижать заработную плату ниже «вольнонаемной» нормы. Крестьянин *вынужден* это делать именно потому, что убогий надел привязывает его к соседнему помещику, не давая возможности жить со своего хозяйства. И понятно,

* См. том III Сочинений, стр. 147 — 148. *Ред.*

что «нормальным» такое явление может быть лишь как одно из звеньев процесса вытеснения барщины капитализмом. Ибо крестьянин неминуемо разоряется в силу таких условий и медленно, но верно превращается в пролетария.

Вот еще однородные, но несколько более полные данные по Саратовскому уезду. Средняя цена за обработку одной десятины с уборкой, возкой хлеба и молотбой составляет 9,6 р. при зимнем заподряде с выдачей вперед 80 — 100% заработной платы. При отработках за аренду пашни цена — 9,4 руб. При вольном найме — 17½ руб. Жатва и возка при отработках стоит 3,8 р. за десятину, при вольном найме — 8½ р. и т. д. Каждая из этих цифр содержит в себе длинную повесть бесконечной крестьянской нужды, кабалы и разорения. Каждая из этих цифр свидетельствует о том, как *живы* к концу XIX века в Гозсии крепостническая эксплуатация и пережитки барщины.

Распространенность отработочной системы очень трудно поддается учету. Дело состоит обыкновенно так, что в помещичьем хозяйстве соединяются отработочная и капиталистическая система, применяемые по отношению к различным операциям земледелия. Незначительная часть земли обрабатывается помещичьим инвентарем и наемными рабочими. Большая часть земли сдается в аренду крестьянам, обычно, под отработки. Вот несколько иллюстраций, заимствуемых нами из обстоятельной работы г. Кауфмана, который свел ряд новейших данных о частновладельческом хозяйстве *. Тульская губ. (сведения относятся к 1897 — 1898 гг.) — «помещики остались при старом трехполье... дальняя земля разбирается крестьянами»; обработка владельческих земель в высшей степени неудовлетворительная. Курская губ. ... «подесятичная раздача земли крестьянам, выгодная вследствие высоких цен..., привела к истощению почвы». Воронежская губ.: ...средние и мелкие владельцы «в большинстве ведут хозяйство исключительно при помощи крестьянского инвентаря или же сдают свои имения в аренду... в большинстве хозяйств практикуются приемы, отличающиеся отсутствием каких бы то ни было улучшений».

* «Аграрный вопрос». Изд. Долгорукова и Петрункевича. Т. II. М., 1907 г., стр. 442 — 628: «К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения».

Подобные отзывы показывают нам, что к концу XIX века вполне применима та общая характеристика различных губерний Европ. России по преобладанию отработочной или капиталистической системы, которую дал г. Анненский в книге «Влияние урожаев и т. д.». Приводим эту характеристику в виде таблички:

	Число губерний В черно- земной	В степ- ной	Всего	Всего посевов у частновладель- цев (тыс. дес.)
I. Губернии с преобладанием капиталистической системы.	9	10	19	7 467
II. Губ. с преобл. смешан. системы	3	4	7	2 222
III. Губ. с преобл. отработочной системы	12	5	17	6 281
Всего	24	19	43	15 910

В черноземной полосе, следовательно, отработки безусловно преобладают, отступая на задний план во всех 43 губ., включенных в данную таблицу. Важно отметить при этом, что в 1 группе (капиталистическая система) числятся как раз не характерные для земледельческого центра местности: прибалтийские губернии, юго-западные (свекловичный район), южные, обе столичные.

Какое влияние оказывают отработки на развитие производительных сил земледелия, об этом красноречиво говорят материалы, сведенные в работе г. Кауфмана. «Не может подлежать сомнению, — читаем там, — что мелкая крестьянская аренда и испольщина является одним из условий, наиболее тормозящих прогресс сельского хозяйства»... в обзорах сельского хозяйства по Полтавской губ. постоянно указывается на то, что «съемщики плохо обрабатывают землю, засевают плохими семенами, засоряют ее».

В Могилевской губ. (1898 г.) «всякое улучшение в хозяйстве тормозится неудобствами испольного хозяйства». Скопщина * является одной из главных причин того, что «сельское хозяйство в Днепровском уезде находится в таком положении, что нечего и думать о каких-либо нововведениях и улучшениях». «Наши материалы, — пи-

* Скопщина или испольщина — натуральная рента, выплачивавшаяся помещику крестьянином в виде части урожая, например, половины, трех четвертей и т. д. *Ред.*

шет г. Кауфман (стр. 517), — дают нам ряд определенных указаний на то, что даже в пределах одного и того же имения на землях, сдаваемых в аренду, старые, отжившие свой век способы хозяйства продолжают держаться в то время, когда на землях собственной запашки уже введены новые, более совершенные системы полеводства». Напр., на арендуемых землях держится трехполье иногда даже без навозного удобрения, — на землях экономической запашки многопольные севообороты. Исполщина тормозит травосеяние, мешает распространению удобрения, задерживает применение лучших с.-х. орудий. Результат всего этого наглядно сказывается на данных об урожаях. Вот, напр., одна латифундия Симбирской губ.: урожай ржи на экономической запашке 90 пуд. с дес., пшеницы 60 пуд., овса 74 пуд., а на исполщных землях 58 — 28 — 50 пудов. Вот общие данные по целому уезду (Горбатовский, Нижегородской губернии):

Урожайность ржи в пудах с десятины

Почвенные разряды:	Частновладельческие земли			
	Надельные земли	Эконом. посевы	Исполщ.	Арендные
I _____	62	74	—	44
II _____	55	63	49	—
III _____	51	60	50	42
IV _____	48	69	51	51
Для все. разрядов —	54*	66	50	45*

Итак, помещичьи земли, обрабатываемые крепостнически (исполщина и мелкая аренда), дают *меньшие* урожай, чем наделные земли! Это — громадной важности факт, ибо он неопровержимо доказывает, что главная и основная причина сельско-хозяйственной отсталости России, застоя всего народного хозяйства и невиданного на свете принижения земледельца есть *отработочная система*, т.-е. прямой пережиток крепостничества. Никакие кредиты, никакие мелиорации **, никакая «помощь» крестьянину, никакие излюбленные бюрократами и либералами меры «содействия» не дадут никаких серьезных результатов, пока остается гнет крепостнических латифундий, традиций,

* У г. Кауфмана, стр. 521, видимо, опечатка в этих двух цифрах.

** — улучшение природных условий сельского хозяйства — осушение болот, удаление подпочвенных вод, проведение оросительных каналов и т. д. *Ред.*

систем хозяйства. И наоборот, аграрный переворот, уничтожающий помещичье землевладение и разрывающий старую средневековую общину (национализация земли, напр., разрывает ее не полицейским, не чиновничьим путем), непременно послужил бы основой замечательно быстрого и действительно широкого прогресса. Невероятно низкий урожай исполных и арендных земель обязан системе работ: «на барина». Не только урожай с этих земель поднялся бы, если бы тот же, теперешний земледелец освободился от работы «на барина», но и урожай наделных земель поднялся бы неизбежно просто в силу устранения крепостнических помех хозяйству.

При данном же положении вещей капиталистический прогресс частновладельческого хозяйства имеется, конечно, на-лицо, но он чрезвычайно медленен и неизбежно обременяет Россию на долгие времена политическим и социальным господством «дикого помещика». Мы рассмотрим теперь, в чем проявляется этот прогресс, и попытаемся определить некоторые общие результаты его.

Что урожайность «экономических» посевов, т.-е. обрабатываемых капиталистически помещичьих земель, выше крестьянских, это указывает на технический прогресс капитализма в земледелии. Прогресс этот связан с переходом от отработочной системы к вольнонаемной. Разорение крестьянства, обезлошадение, потеря инвентаря, пролетаризация земледельца *заставляют* помещиков переходить к работе своим инвентарем. Растет употребление машин в сельском хозяйстве, повышающих производительность труда и неизбежно ведущих к развитию чисто-капиталистических производственных отношений. Сельско-хозяйственных машин ввозилось в Россию из-за границы на 788 тыс. р. в 1869 — 1872 гг., на 2,9 млн. р. в 1873 — 1880 гг., на 4,2 млн. р. в 1881 — 1888 гг., на 3,7 млн. р. в 1889 — 1896 гг., на 15,2 — 20,6 млн. р. в 1902 — 1903 годах. Производство с.-х. машин в России определялось (приблизительно, по довольно грубой статистике фабрик и заводов) в 2,3 млн. р. в 1876 г., в 9,4 млн. р. в 1894 г., в 12,1 млн. р. в 1900 — 1903 годах. Неоспоримо, что эти цифры свидетельствуют о прогрессе земледелия и именно капиталистическом прогрессе, конечно. Но так же неоспоримо, что прогресс этот чрезвычайно медленен по сравнению с тем, что возможно в современном капиталистическом государстве: пример — Америка. По переписи 1 июня 1900 г. в Соед. Штатах было земли под фермами

838,6 млн. акров, т.-е. около 324 млн. дес. Число ферм — 5,7 млн., так что среднее на 1 ферму — 146,2 акра (около 60 део). И вот, производство земледельческих орудий для этих фермеров равнялось 157,7 млн. долларов в 1900 г. (в 1890 г. — 145,3 млн. долл.; в 1880 г. — 62,1 млн. долларов) *! Русские цифры до смешного малы по сравнению с этими, и малы они потому, что велики у нас и сильны крепостнические латифундии.

Сравнительное распространение улучшенных сельскохозяйственных орудий у владельцев и крестьян было предметом специальной анкеты, произведенной министром земледелия в середине 90-х гг. прошлого века. Сводку данных этой анкеты, изложенных подробно у г. Кауфмана, мы можем привести в следующей таблице:

Р а й о н ы	Процент показаний о широкой распространенности улучшенных сельскохозяйственных орудий	
	У владельцев	У крестьян
Центр. земледельч. _____	20—51	8—20
Средне-Волжский _____	18—66	14
Новороссийский _____	50—91	33—65
Белорусский _____	54—86	17—41
Приозерный _____	24—47	1—21
Подмосковный _____	22—51	10—26
Промышленный _____	4—8	2

В среднем по всем этим районам получаем 42% у помещиков и 21% у крестьян.

Относительно распространения навозного удобрения все данные статистики равным образом неопровержимо свидетельствуют, «что в этом деле владельческое хозяйство все время шло и до сих пор стоит далеко впереди крестьянского» (Кауфман, стр. 544). Мало того: довольно широко распространено было в пореформенной России такое явление, как покупка навоза помещиками у крестьян. Это уже — результат самой крайней крестьянской нужды. В последнее время явление это идет на убыль.

Наконец, точные и массовые статистические данные по вопросу о высоте земледельческой техники в помещичьем и крестьянском хозяйстве имеются относительно распро-

* «Abstract of the Twelfth Cenzus». 1900. Third Edition. Washington 1904, pages 217 and 302 — agricultural implements («Обзор двенадцатой переписи». 1900 год. 3-е изд. Вашингтон, 1904 г., стр. 217 и 302 — сельскохозяйственные орудия. *Ред.*).

странения травосеяния (Кауфман, стр. 561). Вот главные выводы:

Годы:	Посев кормовых трав в Евр. России	
	У крестьян	У владельцев
1881	42,8 тыс. дес.	49,6 тыс. дес.
1901	499,0 » »	1046,0 » »

Каков результат всех этих различий между помещичьим и крестьянским хозяйством? Для суждения об этом есть только данные об урожайности. По всей Евр. России в среднем за 18 лет (1883 — 1900) урожайность была следующая (в четвертях):

	Рожь	Пшеница озимая	Пшеница яровая	Овес
У владельцев	6,0	5,75	5,0	8,5
У крестьян	5,0	5,0	4,25	7,0
Разница	16,7%	13,0%	17,0%	17,6%

Г. Кауфман совершенно прав, когда говорит, что разница эта «очень не велика» (с. 592). Надо принять при этом во внимание не только то, что крестьянам оставлены были в 1861 г. худшие земли, но и то, что общие средние относительно всего крестьянства скрадывают (как мы сейчас увидим) крупные различия.

Общий вывод, который мы должны сделать из рассмотрения помещичьего хозяйства, следующий. Капитализм совершенно явственно пролагает себе дорогу в этой области. Смена идет от барщинного к вольнонаемному хозяйству. Технический прогресс капиталистического земледелия по сравнению с отработочным и мелким крестьянским намечается во всех направлениях вполне определенно. Но прогресс этот необыкновенно медленен для современной капиталистической страны. И конец XIX века застаёт в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни.

III

Крестьянское хозяйство составляет центральный пункт современного аграрного вопроса в России. Мы показали выше, каковы условия крестьянского землевладения, и теперь должны обратиться к организации крестьянского

хозяйства — не в техническом, а в политико-экономическом смысле слова.

На первом месте мы встречаем здесь вопрос о крестьянской общине. Ему посвящена чрезвычайно обширная литература, и народническое направление нашей общественной мысли связывает основные пункты своего мирозерцания с национальными особенностями этого «уравнительного» учреждения. Надо прежде всего заметить по этому поводу, что в литературе о русской поземельной общине постоянно переплетаются и сплошь да рядом смешиваются две различные стороны вопроса: агрикультурная и бытовая, с одной стороны, и политико-экономическая, с другой. В большинстве сочинений по общине (В. Орлов, Трирогов, Кейсслер, В. В. *) первой стороне вопроса уделяется так много места и внимания, что вторую сторону совершенно оставляют в тени. Между тем подобный прием глубоко неправилен. Своеобразие русских поземельных отношений по сравнению с отношениями любой иной страны не подлежит сомнению, но не найдется двух чисто-капиталистических, общепризнанных капиталистических стран, которые не различались между собой столь же значительно аграрным бытом, историей земельных отношений, формами землевладения и землепользования и. т. д. То, что придало вопросу о русской поземельной общине его значение и его остроту, то, что разделило, начиная со второй половины XIX века, два основных направления нашей общественной мысли — народническое и марксистское, — это вовсе не агрикультурная и не бытовая сторона вопроса. Возможно, что ей должны были уделять много внимания местные исследователи как для того, чтобы все-сторонне учесть именно местные особенности земледельческого быта, так и для того, чтобы отразить невежественные, чисто-наглые, искушения бюрократии на мелочную, проникнутую полицейским духом, регламентацию. Но для экономиста во всяком случае совершенно непозволительно заслонять изучением разновидностей переделов, техники их и т. п. вопрос о том, какие *типы хозяйств* складываются *внутри* общины, как развиваются эти типы, как складываются отношения между нанимающими рабочих и нанимающимися на черную работу, между зажиточными и беднотой, между улучшающими хозяйство и вводящими усо-

* — В. И. Воронцов, видный народнический писатель-экономист 1880 — 1890 годов. *Ред.*

вершенствования в технике и разоряющимися, забрасывающими хозяйство, бегущими из деревни. Несомненно, что сознание этой истины и побудило наших земских статистиков — давших неоценимый материал для изучения народного хозяйства России — перейти в 80-х гг. прошлого века от *казенной* группировки крестьян по общинам, по наделу, по числу ревизских или наличных душ мужского пола, к единственно-научной группировке по *хозяйственной состоятельности* дворов. Напомним, что в те времена, когда интерес к экономическому изучению России был особенно велик, даже такой «партийный» в этом вопросе писатель, как г. В. В., от всей души приветствовал «новый тип земско-статистического издания» (заглавие статьи г. В. В. в «Северном Вестнике» за 1885 г., № 11), и заявлял:

«необходимо цифровые данные приурочивать не к такому агglomerату разнообразнейших экономических групп крестьянства, как село или община, а к самим этим группам».

Основная черта нашей общины, придавшая ей особое значение в глазах народников, есть уравнительность землепользования. Мы оставим совершенно в стороне вопрос о том, как достигает община этой уравнительности, а обратимся прямо к экономическим фактам, к результатам этой уравнительности. Распределение всей наделной земли в Евр. России, как мы показали выше на точных данных, далеко не уравнительное. Между разрядами крестьян, между крестьянами разных деревень, даже между крестьянами разных помещиков («бывших») в одной деревне распределение тоже не имеет ничего общего с уравнительным. Только внутри мелких общин аппарат переделов создает уравнительность этих небольших замкнутых союзов. Посмотрим же на данные земской статистики относительно распределения наделной земли между дворами. При этом, разумеется, мы должны взять группировку дворов не по величине семьи, не по числу работников, а непременно по *хозяйственной состоятельности* отдельных дворов (посев, число штук рабочего скота, количество коров и т. п.), ибо вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения. Мы затушевывали бы, следовательно, все особенности новой хозяйственной эво-

люции, если бы не задались целью изучить специально различия в хозяйственной состоятельности внутри крестьянства.

Возьмем сначала один типичный уезд (подворные исследования земской статистики с детальными комбинационными таблицами приурочены к отдельным уездам) и затем приведем основания, которые заставляют распространить интересующие нас выводы на крестьянство всей России. Материал заимствуем из «Развития капитализма», гл. II *.

В Красноуфимском уезде, Пермской губ., в которой имеется исключительно общинное крестьянское земледелие, наделъная земля распределяется следующим образом:

	На один двор	
	Душ об. пола	Наделън. земли дес.
На обработыв. земля	3,5	9,8
Обраб. до 5 дес.	4,5	12,9
» 5—10 »	5,4	17,4
» 10—20 »	6,7	21,8
» 20—50 »	7,9	28,8
» бол. 50 »	8,2	44,6
Всего	5,5	17,4

Мы видим, что с повышением хозяйственной состоятельности дворов безусловно правильно повышается размер семьи. Ясно, что многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния. Это бесспорно. Вопрос только в том, к каким общественно-экономическим отношениям приводит это благосостояние в данной обстановке всего народного хозяйства. Что касается до наделъной земли, то мы видим неравномерность ее распределения, хотя и не слишком значительную. Чем состоятельнее крестьянский двор, тем больше наделъной земли приходится на 1 душу населения. В низшей группе меньше 3 дес. наделъной земли на 1 душу об. пола; в дальнейших группах около 3 дес. — три дес. — около 4-х — четыре — и, наконец, в последней высшей группе свыше 5 дес. наделъной земли на 1 душу об. пола. Следовательно, многосемейность и наибольшая обеспеченность наделъной землей служат основой зажиточности *небольшого меньшинства* крестьян. Ибо две высшие группы охватывают всего *одну десятую* долю общего числа дворов. Вот процентные

* См. том III Сочинений, стр. 71. Ред.

соотношения между числом дворов, количеством населения и распределением наделной земли:

Группы дворов	Проценты к итогу		
	Дворов	Населения об. п.	Наделной земли
Не обработ. земли	10,2	6,5	5,7
Обработ. до 5 дес.	30,3	24,8	22,6
» 5—10 »	27,0	26,7	26,0
» 10—20 »	22,4	27,3	28,3
» 20—50 »	9,4	13,5	15,5
» более 50 »	0,7	1,2	1,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Из этих цифр видно ясно, что пропорциональность распределения наделной земли есть налицо, что результат общинной уравнительности учитывается нами. Процентные доли населения по группам и наделной земли по группам довольно близки одна к другой. Но и тут уже начинает сказываться влияние хозяйственной состоятельности отдельных дворов: у низших групп доля земли *меньше* доли населения, у высших групп — *больше*. И это явление не единичное, не одного только уезда касающееся, а общее для всей России. В вышеуказанной работе мною сведены однородные данные по 21 уезду 7 губ. самых различных местностей России. Эти данные, охватывающие полмиллиона крестьянских дворов, показывают везде одинаковые отношения. У 20% зажиточных дворов 26,1% — 30,3% населения и 29,0% — 36,7% наделной земли. У 50% беднейших дворов 36,6% — 44,7% населения и 33,0% — 37,7% наделной земли. Пропорциональность распределения наделной земли есть везде, и в то же время везде сказывается то, что община *подается* в сторону крестьянской буржуазии; отступления от пропорциональности идут повсюду в пользу высших групп крестьянства.

Таким образом, было бы глубокой ошибкой думать, что, изучая группировку крестьянства по хозяйственной состоятельности, мы игнорируем «уравнительное» влияние общины. Как раз напротив, мы именно учитываем посредством точных данных действительное хозяйственное значение этой уравнительности. Мы именно показываем, насколько простирается эта уравнительность, к чему приводит, *в конце концов*, вся система переделов. Пусть эта система дает наилучшее распределение земель разного качества и разных угодий, но неоспорим факт, что перевес зажиточных групп крестьянства над беднейшими оказы-

вается и в распределении наделной земли. Распределение других, не наделных земель, как мы сейчас увидим, неизмеримо более неравномерно.

Известно значение аренды в крестьянском хозяйстве. Пужда в земле вызывает необыкновенно разнообразные формы кабальных отношений на этой почве. Сплошь да рядом, как мы уже говорили выше, аренда земли крестьянами является по сути дела отработочной системой помещичьего хозяйства, — является крепостническим способом приобретения рабочих рук для барина. Таким образом, крепостническое значение нашей крестьянской аренды не подлежит сомнению. Но, раз мы имеем перед собой капиталистическую эволюцию данной страны, мы должны специально исследовать, как проявляются и проявляются ли *буржуазные* отношения в крестьянской аренде. Для этого опять-таки необходимы данные о различных хозяйственных группах крестьянства, а не о целых общинах и деревнях. Например, в «Итогах земской статистики» г. Карышев должен был признать, что натуральные аренды (т.-е. аренды не за деньги, а исполу или за отработки) по общему правилу *везде* дороже денежных, и притом значительно дороже, иногда вдвое; далее, что натуральные аренды развиты *всего сильнее в беднейших группах крестьянства*. Сколько-нибудь состоятельные крестьяне стараются снимать землю за деньги.

«Наниматель пользуется малейшей возможностью вносить арендную сумму деньгами и тем удешевить стоимость пользования чужой землей» (Карышев в цит. соч., стр. 265).

Значит, крепостнические черты нашей аренды всей тяжестью ложатся на беднейших крестьян. Зажиточные стараются высвободиться из средневекового ярма, и это удается им лишь в той мере, в какой они располагают достаточными денежными суммами. Есть деньги — можешь снять землю за наличные по обыкновенным рыночным ценам. Нет денег — идешь в кабалу, платишь втридорога за землю в виде ли испольщины или в виде отработков. Мы видели выше, во сколько раз отработочные цены за труд ниже вольнонаемных цен. А если условия аренды различны для крестьян разной состоятельности, то ясно, что мы не можем ограничиться (как это постоянно делает Карышев) группировкой крестьян по наделу, ибо такая группировка *искусственно* сливает дворы разной состоятельности, смешивает сельский пролетариат с крестьянской буржуазией.

Возьмем для иллюстрации данные по Камышинскому уезду Саратовской губ., почти сплошь общинной (из 2 455 общин этой губернии 2 436 имеют землю в общинном владении). Вот каковы здесь отношения между разными группами дворов по аренде земли:

Группы домохозяев:	‰ дворов	Приходится на 1 надел- ный двор десятин	
		Надельной пашни	Арендowan- ной земли
Без рабоч. скота	26,4	5,4	0,3
С 1 головой рабочего скота	20,3	6,5	1,6
» 2 головами	14,6	8,5	3,5
» 3	9,3	10,1	5,6
» 4	8,3	12,5	7,4
» 5 и более	21,1	16,1	16,6
Всего	100,0	9,3	5,4

Распределение наделной земли уже знакомо нам: состоятельные дворы лучше обеспечены ею по расчету на единицу населения, чем бедные. Распределение аренды оказывается в десятки раз более неравномерное. В высшей группе втрое больше наделной земли, чем в низшей (16,1 против 5,4). Арендowанной же земли в высшей группе в пятьдесят раз больше, чем в низшей (16,6 против 0,3). Аренда, след., не выравнивает различия между крестьянами по хозяйственной состоятельности, а в десятки раз усиливает, обостряет их. Обратный вывод, который неоднократно встречается у экономистов-народников (В. В., Ник.—он, Маресс, Карышев, Вихляев и др.), основан на следующей ошибке. Берут обыкновенно группировку крестьян по наделу и показывают, что малонадельные больше арендуют, чем многонадельные. На этом и останавливаются, [не указывая,] что арендуют землю преимущественно зажиточные дворы малонадельных общин, и что поэтому кажущаяся уравнительность общин только прикрывает величайшую неравномерность распределения внутри общин. Карышев, напр., сам признает, что «большими арендами пользуются а) менее обеспеченные землей разряды, но б) более обеспеченные в них группы» (стр. 139 указ. соч.), но, тем не менее, не исследует систематически распределения аренды по группам.

Чтобы яснее была эта ошибка экономистов-народников, приведем один пример — г. Маресса (в книге «Влияние урожаев и хлебных цен», т. I, стр. 34). Он выводит из данных по Мелитопольскому уезду «приблизительно равномерное подушное распределение аренды». В чем дело? В

том, что если распределить дворы по числу работников мужского пола, то окажется, что дворы без работников арендуют «в среднем» по 1,6 дес. на арендуемый двор, дворы с 1 работником по 4,4 дес., с двумя — по 8,3 дес., с тремя — по 14,0 десятин. В том-то и соль, что эти «средние» объединяют дворы совершенно различной хозяйственной состоятельности, что среди, напр., дворов с работником есть дворы, арендуемые по 4 дес. и сеющие 5 — 10 дес. при 2 — 3 головах рабочего скота, и дворы, арендуемые по 38 дес., сеющие более 50 дес. при 4 и более головах рабочего скота. Таким образом выведенная г. Марессом уравнительность *фиктивна*. На деле в Мелитопольском уезде 20% богатейших дворов, несмотря на наибольшую обеспеченность их и надельной и купчей землей, концентрирует 66,3%, т.-е. две трети всей арендованной земли, оставляя всего 5,6% ее на долю *половины* беднейших дворов.

Далее. Если мы видим, с одной стороны, аренду одной десятины или даже части ее в дворах безлошадных и однолошадных, а с другой стороны, аренду 7 — 16 дес. у дворов четырех- и более лошадных, то ясно, что здесь количество переходит в качество. Первая аренда есть аренда из нужды, аренда кабальная. «Арендатор», стоящий в подобных условиях, не может не превращаться в орудие эксплуатации посредством отработков, зимней наемки, ссуды денег и т. п. Наоборот, двор, имеющий 12 — 16 дес. надельной земли и арендующий *сверх того* по 7 — 16 дес. явно арендует не от нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения и, для того, чтобы «заработать денег». Мы видим здесь воочию превращение аренды в капиталистическое фермерство, зарождение предпринимательства в земледелии. Подобные дворы, как увидим ниже, не обходятся без найма земледельческих рабочих.

Спрашивается теперь, насколько общее явление — эта явно предпринимательская аренда? Мы приведем ниже указание на то, что в различных районах торгового земледелия рост предпринимательского хозяйства проявляется различно. Теперь же приведем еще несколько примеров и сделаем общие выводы об аренде.

В Днепровском уезде Таврической губ. дворы, сеющие 25 и более дес., составляют 18,2% общего числа. Они имеют надельной земли по 16 — 17 дес. на двор и арендуют по 17 — 44 десятины. В Новоузенском уезде Самарской губ. дворы, имеющие 5 и более голов рабочего скота,

составляют 24,7% общего числа. Они сеют по 25 — 53 — 149 дес. на двор, арендуя вненадельной земли по 14 — 54 — 342 дес. на двор (первая цифра относится к группе с 5 — 10 голов рабочего скота, 17,1% дворов; вторая — 10 — 20 голов, 5,8% дворов; третья — 20 и более голов, 1,8% дворов). Надельной земли они арендуют в других обществах по 12 — 29 — 67 дес., и в своем обществе по 9 — 21 — 74 десятин. В Красноуфимском уезде Пермской губ. обрабатывают 20 дес. и более 10,1 % всего числа дворов. Они имеют по 28 — 44 дес. надельной земли на двор и арендуют по 14 — 40 дес. пашни и 118 — 261 дес. покоса. В двух уездах Орловской губ. (Елецкий и Трубчевский) дворы с 4 и более лошадьми составляют 7,2% общего числа. Имея по 15,2 дес. надельной земли, они посредством купчей земли и аренды доводят свое землепользование до 28,4 десятины. В Задонском уезде Воронежской губ. соответственные цифры: 3,2% дворов по 17,1 дес. надельной земли и по 33,2% дес. всего землепользования. В трех уездах Нижегородской губ. (Княгининский, Макарьевский и Васильский) 9,5% дворов с 3 и более лошадьми. У них по 13 — 16 дес. надельной земли на двор, а всего землепользования по 21 — 34 десятины.

Отсюда видно, что предпринимательская аренда в крестьянстве не единичное и не случайное явление, а общее и повсеместное. Везде и повсюду выделяются из общины зажиточные дворы, которые всегда составляют незначительное меньшинство и всегда организуют капиталистическое земледелие при помощи предпринимательной аренды. Поэтому общими фразами о продовольственной и капиталистической аренде нельзя ничего выяснить в вопросах нашего крестьянского хозяйства: необходимо изучать *конкретные данные* о развитии крепостнических черт в аренде и образовании *в ней же* капиталистических отношений.

Мы привели выше данные о том, какую долю населения и надельной земли сконцентрировывают 20% наиболее зажиточных дворов. Мы можем добавить теперь, что они сосредоточивают от 50,8% до 83,7% всей арендуемой крестьянской земли, оставляя на долю 50% дворов низших групп от 5% до 16% всей арендуемой земли. Вывод отсюда ясен: если нас спросят, какая аренда преобладает в России, продовольственная или предпринимательская, аренда из нужды или аренда зажиточных крестьян, аренда крепостническая (отрабсточная, кабальная) или буржуазная, то ответ может быть лишь один. По числу арендуя-

щих дворов, несомненно, большинство арендаторов арендует из нужды. Для громадного большинства крестьян аренда есть кабала. По количеству арендуемой земли, несомненно, не менее половины ее находится в руках зажиточного крестьянства, сельской буржуазии, организуемой капиталистическое земледелие.

Данные о ценах на арендуемую землю обыкновенно приводятся только «в среднем» для всех арендаторов и за всю землю. До какой степени *прикрашивают* эти средние безмерную нужду и угнетение крестьян, видно из данных земской статистики по Днепровскому уезду Таврической губ., где даны в виде счастливого исключения цены аренды у разных групп крестьянства:

	Процент арендующих дворов	Дес. пашни на 1 аренду двор	Цена 1 дес. в руб.
У сязощ. до 5 дес. _____	25	2.4	15,25
» » 5—10 » _____	42	3.9	12,00
» » 10—25 » _____	69	8.5	4,75
» » 25—50 » _____	88	20.0	3,75
» » свыше 50 » _____	91	48.6	3,55
Всего _____	56,2	12,4	4,23

Таким образом «средняя» цена аренды — 4 р. 23 к. за десятину — прямо искажает действительность, погашая те противоречия, которые составляют самую суть дела. Беднота вынуждена арендовать за разорительную цену более чем втрое выше средней. Богачи выгодно покупают землю «оптом», и, конечно, передают ее при случае нуждающемуся соседу с барышем в 275%. Есть аренда и аренда. Есть крепостническая кабала, есть ирландская * аренда, и есть торговля землей, капиталистическое фермерство.

Такое явление, как сдача крестьянами наделной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет этой разоряющейся массы. Аренда и сдача земли, это — явления такого рода, которые не стоят ни в какой связи с общиной и ее уравнительностью. Какое значение в действительной жизни будет иметь эта уравнительность распределения наделной земли, если беднота вынуждена *сдавать* богатым уравнительно данную ей землю? И какое более наглядное опровержение «общиннических» взглядов можно себе представить, чем этот факт

* В Ирландии преобладает сдача земли в аренду мелкими участками по очень высоким ценам. *Ред.*

обхода жизнью официальной, ревизской, казенной уравнительности наделов? Бессилие какой угодно уравнительности перед развивающимся капитализмом доказывается воочию фактом сдачи наделной земли беднотой и концентрации аренды богачами.

Как широко распространено это явление сдачи наделных земель? По тем, устаревшим уже теперь, земско-статистическим исследованиям 80-х гг. прошлого века, которыми мы вынуждены пока ограничиваться, число сдающих землю дворов и процент сдаваемой наделной земли кажутся небольшими. Напр., в Днепровском уезде Таврической губ. сдают наделную землю 25,7% домохозяев; процент сдаваемой наделной земли — 14,9%. В Новоузенском уезде, Самарской губ., сдают землю 12% дворов. В Камышинском уезде, Саратовской губ., процент сдаваемой земли = 16%. В Красноуфимском уезде, Пермской губ., сдают наделную пашню $8\frac{1}{2}$ тыс. хозяев из $23\frac{1}{2}$ т.-е. более трети. Сдается $50\frac{1}{2}$ тыс. дес. наделной земли из 410 тыс., т.-е. около 12%. В Задонском уезде, Воронежской губ., сдается $6\frac{1}{2}$ тыс. дес. наделной земли из $136\frac{1}{2}$ тыс., т.-е. менее 5%. В трех уездах Нижегородской губ. 19 тыс. дес. из 433 тыс., т.-е. тоже менее 5%. Но все эти цифры только кажутся незначительными, ибо подобные процентные отношения включают молчаливое предположение, будто сдают землю более или менее равномерно хозяева всех групп. А такое предположение прямо прстивоположно действительности. Гораздо важнее, чем абсолютные цифры аренды и сдачи, чем средние проценты сдаваемой земли или сдающих землю хозяев, тот факт, что сдает землю главным образом беднота, а арендуют наибольшее количество земли зажиточные. На этот счет данные земско-статистических исследований не оставляют и тени сомнения. На 20% наиболее зажиточных дворов приходится от 0,3% до 12,5% всей сдаваемой земли. Наоборот, на 50% дворов низших групп падает из итога сдаваемой земли от 63,3% до 98,0%. И арендуют эти сдаваемые беднотой земли, конечно, те же зажиточные крестьяне. Тут опять-таки ясно, что в разных группах крестьянства сдача земли имеет различное значение: беднота сдает из нужды, не имея возможности обрабатывать землю, не имея семян, скота, инвентаря, нуждаясь до зареза в деньгах. Богатые сдают мало, либо обменивая один кусок земли на другой в интересах хозяйства, либо прямо торгуя землей.

Вот конкретные данные по Днепровскому уезду, Таврической губернии:

		Проценты	
		Домохозяев, слагающих надельную землю	Сдаваемой надельной земли
Не селящие	_____	80	97,1
Селящие до 5 дес.	_____	30	38,4
» 5 — 10 »	_____	23	17,2
» 10 — 25 »	_____	16	8,1
» 25 — 50 »	_____	7	2,9
» свыше 50 »	_____	7	13,8
По уезду		25,7	14,9

Разве не ясно из этих данных, что забрасывание земли и пролетаризация в громадных размерах соединяется здесь с торговлей землею ничтожной кучки богатеев? Разве не характерно, что процент сдаваемой надельной земли повышается как раз у тех крупных посевицков, которые имеют по 17 дес. надельной земли на двор, по 30,0 дес. купчей и по 44,0 дес. арендованной земли? В общем и целом вся бедная группа в Днепровском уезде, т.-е. 40% дворов, имея 56 тыс. дес. надельной земли, арендует 8 тыс., сдает 21½ тыс. десятин. А зажиточная группа, имея 18,4% дворов, при 62 тыс. дес. надельной земли, сдает 3 тыс. дес. надельной земли и арендует 82 тыс. десятин. В трех уездах Таврической губ. эта зажиточная группа арендует 150 тыс. дес. надельной земли, т.-е. три пятых всей сдаваемой надельной земли! В Новоузенском уезде, Самарской губ., 47% безлошадных дворов и 13% однолошадных сдают надельную землю, а владельцы 10 и более голов рабочего скота, т.-е. всего 7,6% общего числа дворов, арендуют надельной земли по 20 — 30 — 60 — 70 десятин.

Относительно купчей земли нам придется сказать почти то же, что и относительно аренды. Разница здесь та, что в аренде есть крепостнические черты, что аренда бывает в известных условиях отработочной и кабальной, т.-е. бывает способом привязывания к помещичьему хозяйству рабочих рук из числа соседних обнищавших крестьян. Покупка же земли в частную собственность надельными крестьянами представляет из себя чисто-буржуазное явление. На Западе иногда привязывают батраков и поденщиков к земле посредством продажи им мелких участков земли. У нас в России аналогичная операция давно уже произведена казенным образом в виде «великой реформы» 1861 г., и теперь покупка земли крестьянами

выражает исключительно выделение из общины представителей сельской буржуазии. О том, как развивалась после 1861 г. покупка земли крестьянами, мы сказали выше, разбирая данные о землевладении. Здесь же надо указать на громадную концентрацию купчей земли в руках меньшинства. У 20% зажиточных дворов сосредоточено от 59,7% до 99% купчей земли; у 50% беднейших дворов — от 0,4% до 15,4% всего количества купленной крестьянами земли. Мы смело можем утверждать поэтому, что из $7\frac{1}{2}$ млн. дес. земли, которую приобрели крестьяне в личную собственность с 1887 по 1905 г. (см. выше), от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ находится в руках ничтожного меньшинства зажиточных дворов. То же самое относится, конечно, к покупке земель крестьянскими обществами и товариществами. В 1877 г. крестьянские общества владели купчей землей в размере 765 тыс. дес., а в 1905 г. уже 3,7 млн. дес., а крестьянские товарищества в 1905 г. имели 7,6 млн. десятин земли в частной собственности. Ошибочно было бы думать, что земля, покупаемая или арендуемая обществами, распределяется иначе, чем при индивидуальной покупке или аренде. Факты говорят обратное. Напр., по трем материковым уездам Таврической губ. были собраны данные о распределении земли, арендуемой у казны обществами крестьян, причем оказалось, что 76% арендованной земли находится в руках зажиточной группы (ок. 20% дворов), а 40% беднейших дворов имеют лишь 4% всей арендованной земли. Крестьяне делят арендуемые или покупаемые земли не иначе, как «по деньгам».

IV

Сумма приведенных выше данных о наделной, арендной, купчей и сдаваемой в аренду крестьянской земле приводит к тому выводу, что действительно землепользование крестьянства с каждым днем становится все менее и менее соответствующим официальному, казенному, наделному землевладению крестьянства. Конечно, если взять валовые цифры или «средние» величины, то сдача наделной земли погасится арендой, остальная аренда и купчая земля распределится между всей массой дворов как бы поровну, и получится впечатление, что действительное землепользование не очень существенно разнится от казенного, т.-е. от наделного. Но такое впечатление будет фикцией, ибо действительное землепользование крестьян наиболее

отступает от первоначальной уравнительности наделной земли именно в крайних группах, так что при пользовании «средними» дело неминуемо искажается.

На самом деле все землепользование крестьян для низших групп оказывается относительно, — а иногда и абсолютно, — меньшим по сравнению с наделным землевладением (сдача земли; ничтожная доля аренды); для высших же групп все землепользование всегда оказывается и относительно и абсолютно более высоким по сравнению с наделным землевладением в силу концентрации купчей и арендованной земли. У 50% дворов беднейших групп находится в руках, мы видели, от 33 до 37% наделной земли; всего же землепользования только 18,6% — 31,9%. Уменьшение оказывается в некоторых случаях почти вдвое: напр., в Красноуфимском уезде, Пермской губ., 37,4% наделной земли и 19,2% всего землепользования. У 20% зажиточных дворов 29 — 36% наделной земли, всего же землепользования 34 — 49%. Вот некоторые конкретные данные для иллюстрации этих отношений. В Днепровском уезде Таврической губ. 40% беднейших дворов имеют 56 тыс. дес. наделной земли; все же землепользование их 45 тыс. дес., т.-е. меньше на 11 тыс. дес. Зажиточная группа (18% дворов, имеет 62 тыс. дес. наделной земли; все же землепользование ее 167 тыс. дес., т.-е. на 105 тыс. дес. больше. Вот данные по трем уездам Нижегородской губернии:

На 1 двор приходится десятин		
	Земли наделн.	Всего землепольз.
Безлошадные	5,1	4,4
С 1 лош.	8,1	9,4
» 2 »	10,5	13,8
» 3 »	13,2	21,0
» 4 и бол.	16,4	34,6
Всего	8,3	10,3

И здесь в самой низшей группе в результате аренды и сдачи получилось абсолютное уменьшение землепользования. А эта низшая группа, т.-е. безлошадные, обнимает целых 30% дворов. Почти треть дворов *теряет* абсолютно от аренды и сдачи. Однолошадные (37 дворов) увеличили свое землепользование, но чрезвычайно незначительно, в меньшей пропорции, чем среднее увеличение крестьянского землепользования (от 8,3 дес. до 10,3 десятины). Поэтому *доля* этой группы в общем землепользовании умень-

шилась: у нее было 36,6% наделной земли по всем трем уездам, а стало 34,1% общего землепользования. Наоборот, ничтожное меньшинство высших групп увеличило свое землепользование гораздо выше среднего. Трехлошадные (7,3% дворов) увеличили землевладение в полтора раза: с 13 дес. до 21 дес. Многолошадные (2,3% дворов) — более чем вдвое, с 16 дес. до 35 десятин.

Мы видим, следовательно, как общее явление, *уменьшение роли наделной земли в крестьянском хозяйстве*. Уменьшение это идет на обоих полюсах деревни различными путями. У бедноты роль наделной земли падает, потому что растущая нужда и разорение заставляют сдавать ее, бросать землю, *уменьшать* земельное хозяйство в силу недостатка скота, инвентаря, семян, денежных средств и переходить либо к какой-нибудь работишке по найму, либо... в царствие небесное. Низшие группы крестьянства вымирают, — голодовки, цынга, тиф делают свое дело. В высших группах крестьянства наделная земля падает в своем значении, ибо расширяющееся хозяйство вынуждено выходить далеко за ее пределы, вынуждено строиться на землевладении новом, не тягловом, а свободном, не исконно-родовом, а покупаемом на рынке: купля и аренда. Чем богаче землей крестьянство, чем слабее следы крепостного права, чем быстрее хозяйственное развитие, тем сильнее это высвобождение от наделной земли, *втягивание* всей земли в торговый оборот, построение коммерческого земледелия на арендованной земле. Пример — Новороссия. Мы видели сейчас, как зажиточное крестьянство хозяйничает там более на купчей и арендованной земле, чем на наделной. Это кажется парадоксом, но это факт: в самой многоземельной местности России самое обеспеченное наделной землей зажиточное крестьянство (16 — 17 дес. наделной земли на двор) переносит центр тяжести земельного хозяйства с наделной земли *на вне-наделную!*

Факт уменьшения роли наделной земли в обоих быстро прогрессирующих полюсах крестьянства имеет, между прочим, громадное значение для оценки условий того аграрного переворота, который завещан XIX веком XX и который вызвал борьбу классов в нашей революции. Этот факт показывает наглядно, что *ломка* старого землевладения, и помещичьего и крестьянского, стала *безусловной экономической необходимостью*. Эта ломка абсолютно неизбежна, и никакие силы на земле не помешают ей. Борь-

ба идет из-за формы этой ломки, из-за способов ее: по-столяпински ли, с сохранением помещичьего землевладения и ограблением общины кулаками, по-крестьянски ли, с уничтожением помещичьего землевладения и устранением всех средневековых перегородок на земле посредством национализации земли. Но об этом мы будем говорить подробнее ниже. Здесь же необходимо указать на то важное явление, что уменьшение роли наделной земли ведет к чрезвычайно неравномерному распределению податей и повинностей.

Известно, что подати и повинности с русского крестьянина сохранили на себе громадные следы средневековья. Мы не можем входить здесь в подробности, которые относятся к финансовой истории России. Достаточно указать на выкуп—это прямое продолжение средневекового оброка, эту дань крепостникам-помещикам, взыскиваемую при помощи полицейского государства. Достаточно напомнить неравномерность обложения дворянских и крестьянских земель, натуральные повинности и т. д. Мы приводим только итоговую величину податей и повинностей по данным воронежской статистики *крестьянских бюджетов*. Средний валовой доход крестьянской семьи (по данным о 66 типичных бюджетах) определен в 491 р. 44 к., валовой расход 443 р. Чистый доход 48 р. 44 к. Сумма же податей и повинностей, падающих на «средний» двор, равняется 34 р. 35 к. Таким образом, подати и повинности составляют 70% *чистого дохода*. Конечно, это только по форме подати, а на деле это—прежняя крепостническая эксплуатация *«тяглового сословия»* *. Денежный чистый доход средней семьи равняется всего 17 р. 83 к., т.-е. «подати с русского крестьянина *вдвое превышают* его денежный чистый доход, — это по данным 1889, а не 1849 года!

Но средние цифры и здесь прикрашивают крестьянскую нужду и изображают положение крестьянства во много раз лучше, чем оно есть в действительности. Данные о распределении податей и повинностей между группами крестьян различной хозяйственной состоятельности показывают, что у безлошадного и однолошадного крестьянина (т.-е. *у трех пятых* всего числа крестьянских семей в России) подати и повинности во много раз превышают не

* К тягловому сословию, выплачивавшему в течение веков большие государственные налоги, принадлежали, главным образом, крестьяне. *Ред.*

только чистый денежный, но и чистый валовой доход. Вот эти данные:

Бюджетные данные (на 1 хозяйство руб.)

	Валовой доход	Расход	Подати и повинности	Тоже в % к расходу
а) Безлошадные —————	118,10	109,03	15,47	14,19
б) С 1 лош. —————	178,12	174,26	17,77	10,20
в) » 2 » —————	429,72	379,17	32,02	8,44
г) » 3 » —————	752,19	632,86	49,55	7,83
д) » 4 » —————	978,66	937,30	67,90	7,23
е) » 5 и бол. —————	1 766,79	1 593,77	86,34	5,42
В среднем —————	491,44	443,00	34,35	7,75

Безлошадные и однолошадные крестьяне выплачивают под видом податей *седьмую и десятую* часть всего своего *валового* расхода. Едва ли крепостнические оброки были так высоки: помещику невыгодно было бы неизбежное разорение массы принадлежавших ему в собственность крестьян. Что касается до неравномерности податей, то она оказывается огромной: зажиточные платят втрое-вдвое меньше пропорционально своему доходу. От чего зависит эта неравномерность? От того, что главную массу податей крестьяне делят по земле. Доля податей и доля наделной земли сливаются для крестьянина в одно понятие: «душа». И если мы в нашем примере вычислим сумму податей и повинностей, приходящихся в разных группах на 1 дес. наделной земли, то получим такие цифры: а) 2,6 р.; б) 2,4; в) 2,5; г) 2,6; д) 2,9 и е) 3,7 руб. За исключением самой высшей группы, где есть крупные промышленные заведения, облагаемые особо, мы видим приблизительно равномерное распределение податей. Доля наделной земли и здесь соответствует, в общем и целом, доле податей. Это явление есть прямой пережиток (и прямое доказательство) тяглового характера нашей общины. По самым условиям отработочного хозяйства это и не может быть иначе: помещики не могли бы обеспечить себе на полвека после «освобождения» кабальных работников из среды соседних крестьян, если бы эти крестьяне не были привязаны к голодным наделам, не были обязаны втридорога платить за них. Не надо забывать, что в конце XIX века в России вовсе нередки случаи, когда крестьянам приходится *откупаться* от наделной земли, платить «верхи» за отказ от надела, т.-е. доплачивать некоторую сумму тому, кто взял на себя надел ушедшего. Напр., г. Жбанков, описывая быт костромских крестьян в книге:

«Бабыя сторона» (Кострома, 1891 г.), говорит, что из отхожих костромичей «редко хозяева получают за землю известную небольшую часть податей, а обыкновенно ее сдают только за то, чтобы нанявшие городили вокруг нее огороды, а все подати платит сам хозяин». В «Обзоре Ярославской губернии», вышедшем в 1896 г., встречается целый ряд однородных указаний на то, что отхожим рабочим приходится откупаться от надела.

Конечно, в чисто-земледельческих губерниях *такой «власти земли»* мы не встречаем. Но и для них в другой форме имеет, безусловно, силу то явление, что роль наделной земли на обоих полюсах деревни падает. Это факт всеобщий. А раз так, то распределение податей по наделной земле неизбежно вызывает все большую и большую неравномерность обложения. Экономическое развитие со всех сторон и самыми различными путями ведет к тому, что средневековые формы землевладения рушатся, сословные перегородки (надельные, помещичьи т. д. земли) идут на слом, новые формы хозяйства складываются безразлично из кусочков того и другого землевладения. XIX век завещает XX, как безусловно обязательную задачу, докончить эту «чистку» средневековых форм землевладения. Борьба идет из-за того, будет ли эта «чистка» произведена в виде крестьянской национализации земли или в виде ускоренного грабежа общины кулаками и превращения помещичьего хозяйства в юнкерское.

Продолжая разбор данных о современном строе крестьянского хозяйства, перейдем от вопроса о земле к вопросу о скотоводстве. И здесь мы должны установить опять-таки как общее правило, что распределение скота между крестьянскими хозяйствами *гораздо более* неравномерно, чем распределение наделной земли. Вот, напр., размер скотоводства у крестьян Днепровского уезда, Таврической губернии:

			Приходится на один двор	
			Наделн. земли	Всего скота
			дес.	гол.
Не сеющие —————			6,4	1,1
Сеющие	до	5 десятин —	5,5	2,4
»	5 — 10	» —	8,7	4,2
»	10 — 25	» —	12,5	7,3
»	25 — 50	» —	16,6	13,9
»	свыше 50	» —	17,4	30,0
В среднем —————			11,2	7,6

Различие между крайними группами по количеству скота

десятиро больше, чем по количеству наделной земли. Действительный размер хозяйства оказывается и по данным о скотоводстве очень мало похожим на то, что обыкновенно принимают, когда ограничиваются средними данными и предположениями о всеопределяющей роли надела. Какие бы мы уезды ни взяли, везде и повсюду распределение скота оказывается гораздо более неравномерным, чем распределение наделной земли. У 20% зажиточных дворов при 29 — 36% наделной земли сосредоточено от 37% до 57% всего количества скота, имеющегося у крестьянства в данном уезде или группе уездов. На долю 50% дворов низших групп остается от 14% до 30% всего количества скота.

Но эти данные еще далеко не оценивают всей глубины действительных различий. Наряду с вопросом о количестве скота не менее, а иногда даже более важное значение имеет вопрос о его *качестве*. Понятно само собою, что полуразоренный крестьянин при нищенском хозяйстве и опутанный со всех сторон кабалой не в состоянии приобретать и держать сколько-нибудь хорошего качества скот. Голодает хозяин (горе-хозяин), голодает и скот, иначе быть не может. Бюджетные данные по Воронежской губ. показывают чрезвычайно наглядно всю мизерность скотоводческого хозяйства безлошадных и однолошадных крестьян, т.-е. *трех пятых* всего числа крестьянских хозяйств в России. Приводим выборку из этих данных для характеристики скотоводческого хозяйства крестьян:

	Средний размер расходов в год (руб.)		
	На 1 хозяйство всего скота в перевод на крупн. гол.	На пополне- ние и ремонт инвентаря и скота	На корм скота
а) Безлошадные	0,8	0,08	8,12
б) С 1 лош.	2,6	5,36	36,70
в) » 2 »	4,9	8,78	71,21
г) » 3 »	9,1	9,70	127,03
д) » 4 »	12,8	30,80	173,24
е) » 5 и бол.	19,3	75,80	510,07
В среднем	5,8	13,14	97,91

Безлошадных крестьян в Европейской России в 1896 — 1900 г. было $3\frac{1}{2}$ млн. дворов. Можно себе представить, каково их земледельческое «хозяйство» при расходе *восьми копеек* в год на инвентарь живой и мертвый. Однолошадных крестьян $3\frac{1}{2}$ млн. дворов. При пяти рублях годового рас-

хода на пополнение инвентаря и скота они могут только вечно маяться в безысходной нужде. Даже у двухлошадных крестьян ($2\frac{1}{2}$ млн. дворов) и трехлошадных (1 млн. дворов) расход на живой и мертвый инвентарь составляет всего 9 — 10 р. в год. Только в двух высших группах (по всей России таких крестьянских хозяйств 1 млн. из 11 млн. всех крестьянских хозяйств) расход на живой и мертвый инвентарь хоть сколько-нибудь приближается к подобию правильного земледельческого хозяйства.

Совершенно естественно, что при таких условиях качество скота не может быть одинаково в хозяйствах различных групп. Стоимость одной рабочей лошади определяется, напр., у однолошадного крестьянина в 27 р., у двухлошадного в 37 р., у трехлошадного в 61 р., у четырехлошадного в 52 р. и у многолошадного в 69 руб. Разница между крайними группами выше 100%. И это явление общее для всех капиталистических стран, где есть мелкое и крупное хозяйство. В своей книге «Аграрный вопрос» (часть I, Спб., 1908 *) я показал, что исследования Дрекслера в области германского земледелия и скотоводства дали совершенно такой же результат. Средний вес средней штуки скота составлял в крупных имениях 619 кг (1884 г., цит. соч., стр. 259). в крестьянских хозяйствах, имеющих 25 и более га — 427 кг, в хозяйствах с $7\frac{1}{2}$ — 25 га — 382; с $2\frac{1}{2}$ — $7\frac{1}{2}$ га — 352 и, наконец, в хозяйствах, имеющих до $2\frac{1}{2}$ га — 301 килограмм.

В зависимости от количества и качества скота находится также уход за землей, в частности удобрение ее. Мы показали выше, что все данные статистики по всей России свидетельствуют о лучшем удобрении помещичьих земель по сравнению с крестьянскими. Теперь мы видим, что такое деление, бывшее правильным и законным во времена крепостного права, устарело. Между различными крестьянскими хозяйствами оказывается глубокая пропасть, и исследования, расчеты, заключения, теории, исходящие из представлений о «среднем» крестьянском хозяйстве, ведут к абсолютно неправильным выводам в данном вопросе. Земская статистика, к сожалению, чрезвычайно редко изучает различные группы дворов, ограничиваясь пообщинными данными. Но вот в Пермской губернии (Красноуфимский уезд) в виде исключения собраны были при подвор-

* См. том XI Сочинений, стр. 298 — 308. Ред.

ном исследовании точные данные об удобрении земли различными крестьянскими дворами:

		Процент хо- зяйств, вообще вывозящих на- воз	Вывозилось навоза возов на 1 двор (вы- возящий)
Обраб.	до 5 десятин	33,9	80
»	5—10	66,2	116
»	10—20	70,3	197
»	20—50	76,9	353
»	свыше 50	84,3	732
В среднем		51,7	176

Тут мы видим уже различные агрикультурные типы хозяйства в зависимости от размеров хозяйства. И в другой местности исследователи, обратившие внимание на этот вопрос, пришли к аналогичным выводам. Орловские статистики сообщают, что у зажиточных крестьян скоп навоза от одной головы крупного скота почти вдвое больше, чем у несостоятельных. При 7,4 штуках скота на двор этот скоп равняется 391 пуд., а при 2,8 гол. скота на двор — 208 пудов. «Нормальным» считается скоп в 400 пуд., следовательно, норма достигается только у небольшого меньшинства зажиточных крестьян. Беднота вынуждена употреблять солому и навоз на топливо, иногда даже продавать навоз и т. д.

В связи с этим надо рассмотреть вопрос о росте числа безлошадных среди крестьянства. В 1888 — 1891 гг. в 48 губерниях Евр. России было 2,8 млн. дворов безлошадных из всего числа 10,1 млн., т.-е. 27,3%. Приблизительно через 9 — 10 лет, в 1896 — 1900 г.г., из 11,1 млн. дворов было 3,2 млн. безлошадных, т.-е. 29,2%. Рост экспроприации крестьянства, следовательно, несомненен. Но если взглянуть на этот процесс с агрономической точки зрения, то получается парадоксальный на первый взгляд вывод. Этот вывод сделал известный народнический писатель г. В. В. еще в 1884 году («Вестник Европы», 1884 г., № 7), сопоставляя количество десятин пашни, приходящееся на 1 лошадь в нашем крестьянском хозяйстве и в «нормальном» трехпольном хозяйстве — нормальном с точки зрения агрономии. Оказалось, что крестьяне держат *слишком много* лошадей: у них приходится только 5 — 8 дес. пашни на лошадь вместо требуемых агрономией 7 — 10 дес.

«Следовательно, — умозаключил г. В. В., — на обезлошадение части населения этой области России (центральной черноземной полосы) нужно смотреть до известной степени, как на восстано-

вление нормального отношения между количеством рабочего скота и площадью, подлежащей обработке».

На самом деле, парадокс объясняется тем, что обезлошадение сопровождается концентрированием земли в руках зажиточных дворов, у которых получается «нормальное» соотношение числа лошадей с обрабатываемой площадью. Это «нормальное» соотношение не «восстанавливается» (ибо его не было никогда в нашем крестьянском хозяйстве), а достигается только крестьянской буржуазией. «Ненормальность» же сводится к раздроблению средств производства в мелком крестьянском хозяйстве: то количество земли, которое миллион однолошадных крестьян обрабатывает при помощи миллиона лошадей, зажиточные крестьяне обрабатывают лучше и тщательнее при помощи $1\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ млн. лошадей.

Относительно мертвого инвентаря в крестьянском хозяйстве надо различать обычный крестьянский инвентарь и усовершенствованные земледельческие орудия. Распределение первого соответствует, в общем и целом, распределению рабочего скота; нового в данных этого рода для характеристики крестьянского хозяйства мы не найдем. Улучшенные же орудия, которые стоят гораздо дороже, окупаются только при более крупном хозяйстве, вводятся только успешно развивающимися хозяйствами, концентрированы несравненно сильнее. Данные об этой концентрации чрезвычайно важны, потому что это единственные данные, позволяющие точно судить о том, в какую сторону, при каких общественных условиях идет *прогресс* крестьянского хозяйства. Не подлежит сомнению, что с 1861 г. в этом направлении сделан шаг вперед, но очень часто оспаривается или подвергается сомнению капиталистический характер этого прогресса не только в помещичьем, но и в крестьянском хозяйстве.

Вот данные земской статистики о распределении улучшенных орудий среди крестьян:

		На 100 хозяйств приходится улучшенных с.-х. орудий	
		2 уезда Орловской губ.	1 уезд Воронежской губ.
Безлошадные	_____	0,1	—
С 1 лошадью	_____	0,2	0,06
> 2 — 3 »	_____	3,5	1,6
> 4 и бол. »	_____	36,0	23,0
В среднем		2,2	1,2

В этой местности сравнительно слабо распространены среди крестьян улучшенные орудия. Общий процент дворов, владеющих таковыми, совершенно ничтожен. Но низшие группы почти совершенно не пользуются такими орудиями, а среди высших они входят в употребление систематически. В Новоузенском уезде, Самарской губ., всего 13% хозяев имеют улучшенные орудия, причем этот процент повышается до 40% в группе с 5 — 20 шт. раб. скота и до 62% в группе с 20 и более голов рабочего скота. В Красноуфимском уезде, Пермской губ. (три района уезда) на 100 хозяйств приходится 10 улучшенных орудий; это — общая средняя; на 100 хозяйств, обрабатывающих 20 — 50 дес., приходится 50 орудий, а на 100 хозяйств, обрабатывающих 50 дес., даже 180 орудий. Если взять те процентные отношения, которые мы брали выше для сравнения данных по различным уездам, то окажется, что 20% зажиточных дворов имеют от 70% до 86% всего числа улучшенных орудий, оставляя на долю 50% дворов бедноты от 1,3% до 3,6%. Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что прогресс в распространении улучшенных орудий среди крестьянства (об этом прогрессе говорит, между прочим, в цитированной выше работе 1907 года г. Кауфман) есть прогресс зажиточного крестьянства. Три пятых всего числа крестьянских дворов, безлошадные и однолошадные, почти совершенно не в состоянии пользоваться этими улучшениями.

V

Рассматривая крестьянское хозяйство, мы до сих пор брали крестьян преимущественно как хозяев, указывая в то же время, что низшие группы постоянно выталкиваются из числа хозяев. Выталкиваются куда? Очевидно, в ряды пролетариата. Мы должны теперь рассмотреть подробно, как именно идет это образование пролетариата, в особенности сельского, и как складывается рынок на рабочую силу в земледелии. Если для обработочного хозяйства типичными классовыми фигурами являются помещик-крепостник и наделенный землей кабальный крестьянин, то для капиталистического хозяйства типичны наниматель-фермер и нанимающийся батрак или подеищик. Превращение помещика и зажиточного крестьянина в нанимателя мы показали. Теперь посмотрим на превращение крестьянина в нанимающегося.

Велико ли употребление наемного труда зажиточными крестьянами? Если взять средний процент дворов с батраками ко всему числу крестьянских дворов (как обыкновенно делают), то получим очень невысокий процент: 12,9% в Днепровском уезде, Таврической губ., 9% в Новоузенском уезде, Самарской губ., 12,7% в Камышинском уезде, Саратовской губ., 10,6% в Красноуфимском уезде, Пермской губ., 3,5% в 2 уездах Орловской губ., 3,8 в 1 уезде Воронежской губ., 2,6% в 3 уездах Нижегородской губернии. Но этого рода данные, в сущности, фиктивны, ибо определяется отношение дворов с батраками ко всему числу дворов, в том числе и дворов, отпускающих батраков. Буржуазия во всяком капиталистическом обществе составляет ничтожное меньшинство населения. Дворов с наемными рабочими всегда будет «мало». Вопрос о том, складывается ли здесь особый тип хозяйства, или наем случаен? И на этот вопрос дают совершенно определенный ответ данные земской статистики, повсюду показывающей в группах зажиточного крестьянства процент дворов с батраками, несравненно более высокий, чем в среднем по уезду вообще. Приведем данные по Красноуфимскому уезду, Пермской губ., где в виде исключения есть сведения не только о найме батраков, но и о найме поденщиков, т.-е. о форме найма, более типичной для земледелия.

	Число работник. муж. п. на 1 двор	Процент хозяйств, напим. рабочих			
		Сроко- вых	На косыбу	На житзу	На молотьбу
Не обраб. земли	0,6	0,15	0,6	—	—
Обраб. до 5 дес.	1,0	0,7	5,1	4,7	9,2
» 5 — 10 »	1,2	4,2	14,3	20,1	22,3
» 10 — 20 »	1,5	17,7	27,2	43,9	25,9
» 20 — 50 »	1,7	50,0	47,9	69,6	33,7
» свыше 50 »	2,0	83,1	64,5	87,2	44,7
В среднем	1,2	10,6	16,4	24,3	18,8

Мы видим, что состоятельные дворы отличаются более высоким семейным составом, имеют больше своих, семейных, работников, чем дворы неимущие. Но тем не менее они употребляют несравненно больше наемного труда. «Семейная кооперация» служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию. В высших группах наем рабочих явно становится системой, условием ведения расширенного хозяйства. При этом наем поденщиков оказывается

весьма значительно распространенным даже в средней группе крестьянства: если в двух высших группах (10,3% дворов) большинство дворов нанимает рабочих, то в группе, обрабатывающей 10 — 20 дес. (22,4%), *свыше двух пятых* всего числа дворов нанимает рабочих на жатву. Вывод отсюда тот, что зажиточное крестьянство не могло бы существовать без миллионной армии готовых к их услугам батраков и поденщиков. И если поуездные данные о среднем проценте дворов с батраками представляют, как мы видели, значительные колебания, то безусловно всеобщим является концентрация дворов с батраками в высших группах крестьянства, т.-е. превращение зажиточных дворов в предпринимателей. На 20% зажиточных дворов приходится от 48% до 78% общего количества дворов с батраками.

На другом полюсе деревни статистика не дает нам обыкновенно сведений о числе дворов, отпускающих наемных рабочих всякого рода. В целом ряде вопросов наша земская статистика сделала чрезвычайно крупный шаг вперед по сравнению со старой казенной статистикой губернаторских отчетов и всеяческих департаментов. Но в одном вопросе старая казенная точка зрения сохранилась и в земской статистике, именно в вопросе о так называемых «заработках» крестьян. Занятие земледелием на своем наделе считается настоящим занятием крестьянина; всякое же постороннее занятие относится к сторонним «заработкам» или «промыслам», причем тут смешиваются такие хозяйственные категории, различать которые требует азбука политической экономии. В разряд «сельско-хозяйственных промышленников», напр., попадут на-ряду с массой наемных рабочих и хозяева-предприниматели (напр., бахчевники), рядом с ними тоже в числе «дворов с заработками» будут считаться нищие и торговцы, прислуга и ремесленники-хозяева и т. п. Ясно, что эта вопиющая политико-экономическая путаница есть прямой пережиток крепостничества. Для помещика действительно безразлично было, чем занимается на стороне его оброчный крестьянин: торговлей, работой по найму или промышленностью в качестве хозяина; на всех крепостных крестьян одинаково падал общий оброк, все считались во временной и условной отлучке от своего настоящего дела.

После отмены крепостного права эта точка зрения с каждым днем приходила все более и более в резкое противоречие с действительностью. Большинство крестьянских

дворов с заработками, несомненно, принадлежат к числу дворов, отпускающих наемных работников, но вполне точной картины мы здесь иметь не можем, потому что меньшинство *хозяев-промышленников* все же попадает в общее число и *прикрашивает* положение нуждающихся. Приведем для иллюстрации один пример. По Новоузенскому уезду, Самарской губ. статистики выделили «земледельческие промыслы» из общей массы «промыслов». Конечно, и этот термин не точен, но список профессий дает, по крайней мере, то указание, что из 14 063 «промышленников» этого рода 13 297 батраков и поденщиков. Здесь, значит, преобладание наемных рабочих очень велико. И распределение земледельческих промыслов оказывается следующее:

			Процент работников муж. пола, занятых землед. промыслами
Без рабочего скота			71,4
С 1 гол. рабочего скота			48,7
» 2 — 3	»	»	20,4
» 4	»	»	8,5
» 5 — 10	»	»	5,0
» 10 — 20	»	»	3,9
» 20 и бол.	»	»	2,9
По уезду			25,0

Из безлошадных крестьян, следовательно, семь десятых наемные рабочие, а из однолошадных почти половина. По Красноуфимскому уезду, Пермской губ. средний процент дворов с земледельческими промыслами равен 16,2%, а из числа необрабатывающих земли 52,3% «промышленников», из обрабатывающих до 5 дес. — 26,4%. По другим уездам, где не выделены специально земледельческие промыслы, картина получается менее яркая, но все же остается общим правилом, что «промыслы» и «заработки», вообще говоря, специальность низших групп. На 50% дворов низших групп приходится от 60% до 93% всего числа дворов с заработками.

Мы видим отсюда, что низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя, по своему положению в общем строе народного хозяйства, *батраков и поденщиков* (шире: наемных рабочих) с *наделом*. Этот вывод подтверждают и данные о росте употребления наемного труда после 1861 г. во всей России, и бюджетные исследования об источнике дохода у низших групп, и, наконец, данные о жизненном

уровне этих групп. На этом тройком доказательстве мы и остановимся несколько подробнее.

Общие данные о росте числа сельских наемных рабочих во всей России имеются только относительно отхожих рабочих без точного различения земледельческих и неземледельческих. Вопрос о том, преобладают ли в общем числе первые или вторые, решался в народнической литературе в пользу первых, но мы укажем ниже основания обратного взгляда. Факт быстрого увеличения после 1861 г. числа отхожих рабочих в крестьянстве не подлежит никакому сомнению. Об этом свидетельствуют все источники. Приблизительное статистическое выражение явления дают сведения о паспортном доходе и о числе выдаваемых паспортов. В 1888 г. паспортный доход составлял 2,1 млн. р., в 1884 г. — 3,3 млн., в 1894 г. — 4,5 млн. руб. Это дает увеличение более чем вдвое. Число выдаваемых паспортов и билетов в Евр. России было 4,7 млн. в 1884 г. и 7,8 — 9,3 млн. в 1897 — 1898 годах. Здесь за тринадцать лет мы видим удвоение. Все эти данные в общем и целом соответствуют другим расчетам, напр., расчету г. Уварова, который свел данные земской статистики, большей частью устаревшие, по 126 уездам 20 губ. и определил вероятную цифру отхожих рабочих в 5 млн. человек. Г. С. Короленко по данным о числе местных избыточных рабочих определял эту цифру в 6 млн. человек.

Из всей этой суммы, по мнению г. Николая — она, «громаднейшее большинство» — промыслы земледельческие. Я подробно изложил в «Развитии капитализма», * что данные и исследования 60-х, 80-х и 90 гг. вполне доказывают неверность этого вывода. Большинство, хотя и не громаднейшее, из отхожих рабочих рабочие неземледельческие. Вот наиболее полные и наиболее новые данные о погубернском распределении видов на жительство, выданных в Евр. России в 1898 году:

Группы губерний	Количество всех видов на жительство, выданных в 1898 г.
1) 17 губерний с преобладанием неземледельческого отхода	3 369 597
2) 12 губерний переходных	1 674 231
3) 21 губерния с преобладанием земледельческого отхода	2 765 762
Всего по 50 губерниям	7 809 590

* См. том III Сочинений, стр. 1 — 477. *Ред.*

Если в переходных губерниях предположим половину земледельческих рабочих, то *приблизительное*, самое вероятное, распределение будет таково: около 4,2 млн. неземледельческих наемных рабочих и *около 3,6 млн. земледельческих наемных рабочих*. В параллель к этой цифре надо поставить цифру г. Руднева, который в 1894 г. свел данные земской статистики по 148 уездам в 19 губ. и определил приблизительно число селско-хозяиственных наемных рабочих в $3\frac{1}{2}$ млн. человек. Эта цифра охватывает, по данным 80-х гг., и местных и отхожих земледельческих рабочих. В конце 90-х гг. одних только отхожих с.-х. рабочих было столько.

Рост числа земледельческих наемных рабочих стоит в прямой связи с тем развитием капиталистического предпринимательства в земледелии, которое мы проследили на помещичьем и крестьянском хозяйстве. Возьмите, напр., употребление машин в сельском хозяйстве. Что у зажиточного крестьянина оно означает переход к предпринимательству, мы показали на точных данных. А в помещичьем хозяйстве употребление машин и вообще улучшенных орудий означает неминуемо вытеснение отработков капитализмом. На место крестьянского инвентаря ставится помещичий; на место старого трехполья новые технические приемы, связанные с переменой орудий; кабальный крестьянин не годится для работы с улучшенными орудиями, и его место занимает батрак или поденщик.

В том районе Европейской России, в котором всего более развилось после реформы употребление машин, — всего более распространено и употребление наемной рабочей силы пришлых рабочих. Этот район — южные и восточные окраины Евр. России. Приход земледельческих рабочих в этот район создал чрезвычайно типичные и ярко выраженные капиталистические отношения. На них следует остановиться, чтобы сопоставить старые и преобладающие до сих пор отработки с все более пробивающейся новой струей. Прежде всего следует отметить, что южный район отличается наиболее высокой заработной платой в земледелии. По данным за целое десятилетие (1881—1891 г.г.), устраняющим всякие случайные колебания, заработная плата выше всего в России в губерниях: Таврической, Бессарабской и Донской. Годовой работник здесь получает, считая и содержание, 143 р. 50 к., сроковый (на лето) — 55 р. 67 к. Следующее место по высоте заработной платы занимает наиболее промышленный район —

губернии Петербургская, Московская, Владимирская и Ярославская. Здесь платят годовому сельскому рабочему 135 р. 80 к., сроковому 53 руб. Самый низкий уровень заработной платы встречаем в центральных земледельческих губерниях (Казанская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская и Курская), т.-е. в главной местности отработков, кабалы и всевозможных пережитков крепостничества. Здесь годовой работник в земледелии получает всего 92 р. 95 к. — в полтора раза меньше, чем в наиболее капиталистических губерниях, а сроковый — 35 р. 64 к., на 20 р. в лето меньше, чем на юге. Именно из этого центрального района мы наблюдали громадный уход рабочих. Свыше 1¹/₂ млн. человек каждую весну уходят отсюда частью на земледельческие заработки (главным образом на юг, частью, как увидим ниже, и в промышленные губернии), а также на неземледельческие работы в столицы и в промышленные губернии. Между этим главным районом отхода и двумя главными районами прихода (земледельческий юг и столицы с двумя промышленными губерниями) лежат полосы губерний со средней заработной платой. Эти губернии привлекают к себе часть рабочих из самого «дешевого» и самого голодного центра, отпуская в свою очередь часть рабочих в более дорогие районы. В книге г. С. Короленко о «Вольнонаемном труде» на основании очень обширного материала подробно изображен этот процесс рабочих странствований и перемещения населения. Капитализм достигает таким образом более равномерного (с точки зрения потребностей капитала, конечно) размещения населения; нивелирует заработную плату по всей стране, создает действительно единый, национальный, рынок труда; вырывает постепенно почву у старых способов производства, «соблазняя» кабального мужика высокой заработной платой. Отсюда — бесконечные жалобы господ помещиков на развращение местных рабочих, на разгул и пьянство, порождаемые отходом, на «порчу» рабочих городом и т. д. и т. д.

В районе наибольшего прихода рабочих сложились к концу XIX века довольно крупные капиталистические предприятия в земледелии. Капиталистическая кооперация сложилась при употреблении, напр., таких машин, как молотилки. Г-н Тезяков, описавший условия жизни и труда сельско-хозяйственных рабочих в Херсонской губ., указывает, что конная молотилка требует от 14 до 23 и более рабочих, а паровая — от 50 до 70. В некоторых

хозяйствах собиралось по 500 — 1 000 рабочих — цифра чрезвычайно высокая для земледелия. Капитализм дал возможность заменять более дорогой мужской труд женским и детским. Например, в местечке Каховке — одном из главных рабочих рынков Таврической губ., где прежде собиралось до 40 000 рабочих, а в 90-х гг. прошлого века 20 — 30 тыс., в 1890 г. было зарегистрировано 12,7% женщин, а в 1895 г. уже 25,6%. Детей в 1893 г. было 0,7%, а в 1895 г. уже 1,69%.

Собирая рабочих со всех концов России, капиталистические экономии сортировали их по своим надобностям, создавая нечто подобное иерархии фабричных рабочих. Различают, напр., полных рабочих, полурбочих, — из них выделяют еще «рабочих большой силы» (16 — 20 лет) — и полурбочих «малой помощи» (дети 8 — 14 лет). Никакого следа старых так называемых «патриархальных» отношений помещика к «своему» крестьянину здесь не остается. Рабочая сила становится товаром, подобным всякому другому. Кабала «истинно-русского» типа исчезает, уступая место понедельной денежной расплате, бешеной конкуренции и стачкам рабочих и хозяев. Скопление громадных масс рабочих на рынках найма и невероятно тяжелые, антигигиеничные условия труда создали попытки общественного контроля за крупными экономиями. Эти попытки характерны для «крупной индустрии» в земледелии, но, разумеется, никакой прочности они иметь не могут при отсутствии политической свободы и открытых рабочих организаций. До чего тяжелы условия труда пришлых рабочих, видно из того, что рабочий день продолжается от 12½ до 15 часов. Травматические повреждения рабочих, занятых при машинах, стали обычными явлением. Развились профессиональные болезни рабочих (напр., занятых при молотилках) и т. д. Все «прелести» чисто-капиталистической эксплуатации в самом развитом, американском, виде можно наблюдать в России конца XIX века наряду с чисто-средневековыми, давным-давно исчезнувшими в передовых странах, приемами отработочного и барщинного хозяйства. Все громадное разнообразие аграрных отношений в России сводится к переплетению крепостнических и буржуазных приемов эксплуатации *.

* См. подробнее в статье «Аграрная программа русской социал-демократии» в Сочинениях, т. V, стр. 107 — 115. *Ред.*

Чтобы закончить изложение условий наемного труда в русском земледелии, отметим еще бюджетные данные о хозяйстве крестьян низших групп. Наемная работа фигурирует здесь под эвфемистическим наименованием «заработков» или «промыслов». В каком отношении стоит доход от этих заработков к доходу от земледельческого хозяйства? Воронежские бюджеты безлошадных и однолошадных крестьян дают на это точный ответ. Валовой доход от всех источников определяется для безлошадного в 118 р. 10 к., в том числе от земледелия 57 р. 11 к., от «промыслов» 59 р. 4 коп. Эта последняя сумма составляется из 36 р. 75 к. дохода от «личных промыслов» и 22 р. 29 к. разных доходов. К числу последних относится *доход от сдачи земли!* У однолошадного крестьянина валовой доход 178 р. 12 к., в том числе 127 р. 69 к. от земледелия и 49 р. 22 к. от промыслов (35 р. — личные промыслы, 6 р. извоз, 2 р. от «торгово-промышленных заведений и предприятий» и 6 р. разных доходов). Если вычесть расходы на земельное хозяйство, то получим 69 р. 37 к. от земледелия против 49 р. 22 к. от промыслов. Вот как добывают себе средства к жизни три пятых всего числа крестьянских дворов в России. Понятно, что уровень жизни таких крестьян не выше, а иногда ниже, чем у батраков. По той же Воронежской губ. средняя плата годовому батраку (за десятилетия 1881 — 1891 г.г.) 57 р., плюс содержание, стоящее 42 руб. Между тем стоимость содержания *всей семьи* у безлошадного 78 р. в год при семье в 4 души, у однолошадного 98 р. в год при семье в пять душ. Русский крестьянин сведен отработками, податями и капиталистической эксплуатацией до такого нищенского, голодного уровня жизни, который в Европе кажется невероятным. Там называют подобный социальный тип *пауперами*.

VI

Для того, чтобы подвести итоги всему сказанному выше о разложении крестьянства, мы приведем сначала единственные имеющиеся в литературе итоговые данные по всей Евр. России, позволяющие судить о различных группах внутри крестьянства за различные периоды. Это данные военно-конских переписей. Во втором издании своей книги «Развитие капитализма»* я свел эти данные

* См. III том Сочинений. *Ред.*

по 48 губерниям Евр. России за периоды 1888 — 1891 и 1896 — 1900 годов. Вот извлечение наиболее существенных результатов:

	Число крестьянских дворов (миллионов)			
	В 1888 — 1891 гг.		В 1896 — 1900 гг.	
	Всего	%	Всего	%
Безлошадные —	2,8	27,3	3,2	29,2
С 1 лошадью —	2,9	28,5	3,4	30,3
» 2 —	2,2	22,2	2,5	22,0
» 3 —	1,1	10,6	1,0	9,4
» 4 и более —	1,1	11,4	1,0	9,1
Всего —	10,1	100,0	11,1	100,0

Эти данные, как я уже отметил мимоходом выше, свидетельствуют о растущей экспроприации крестьянства. Весь миллионный прирост числа дворов пошел на увеличение двух низших групп. Общее число лошадей уменьшилось за это время с 16,91 млн. голов до 16,87 млн., т.-е. все крестьянство в целом стало несколько беднее лошадьми. Обеднела и высшая группа, в 1888 — 1891 г.г. имевшая по 5,5 лош. на двор, а в 1896 — 1900 г.г. — по 5,4 лош.

Из этих данных легко сделать вывод, что «дифференциация» в крестьянстве не происходит: всего больше увеличилась самая бедная группа, всего больше уменьшилась (по числу дворов) самая богатая. Это не дифференциация, а нивелировка нищеты! И такие выводы, основанные на подобных приемах, очень часто можно встретить в литературе. Но если мы поставим вопрос: изменилось ли взаимоотношение группы внутри крестьянства, то мы увидим иное. В 1888 — 1891 г.г. половина дворов низших групп имела 23,7% общего числа лошадей, и в 1896 — 1900 г.г. ровно такой же процент. Пятая доля дворов из наиболее зажиточных групп имела в первый период 52,6% всего числа лошадей, во второй — 53,2%. Ясно, что взаимоотношение групп почти не изменилось. Крестьянство обеднело, зажиточные группы обеднели, кризис 1891 г. дал себя знать самым серьезным образом, но отношения сельской буржуазии к разоряющемуся крестьянству от этого не изменились и не могли, по существу дела, измениться.

Это обстоятельство часто упускают из виду люди, берущиеся судить о разложении крестьянства на основании отрывочно взятых статистических данных. Смешно было бы думать, напр., что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по во-

просу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не доказывает, если не взять его в связи со *всей совокупностью* данных о крестьянском хозяйстве. Если мы, разобрав эти данные, установили общее между группами по распределению аренды и сдачи земли, улучшенных орудий и удобрения, заработков и купчей земли, наемных рабочих и количества скота, если мы доказали, что все эти различные стороны явления неразрывно связаны между собою и обнаруживают действительно образование противоположных экономических типов — пролетариата и сельской буржуазии, — если мы установили все это, и только в той мере, в какой это установлено, мы можем брать отдельные данные о распределении хотя бы лошадей для *иллюстрации* всего изложенного выше. Наоборот, если нам ссылаются на тот или другой случай уменьшения количества лошадей, положим, в зажиточной группе за такой-то период, то выводить *только отсюда* какие-либо общие выводы о соотношении сельской буржуазии внутри крестьянства и других групп его было бы вопиющей нелепостью. Ни в одной капиталистической стране, ни в одной отрасли хозяйства нет и быть не может (при господстве рынка) равномерного развития: иначе как скачками, зигзагами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, *не может* развиваться капитализм. И суть вопроса о русском аграрном кризисе и о предстоящем перевороте состоит вовсе не в том, какова именно степень развития капитализма, или каков темп этого развития, а в том, есть ли это капиталистический кризис и переворот, или нет, происходит ли он при условиях превращения крестьянства в сельскую буржуазию и пролетариат, или нет, являются ли отношения между отдельными дворами внутри общины буржуазными, или нет. Другими словами: первой задачей всякого исследования об аграрном вопросе в России является установление основных данных для характеристики классовой сущности аграрных отношений. И лишь потом, когда выяснено, с какими классами и с каким направлением развития мы имеем дело, может идти речь о частных вопросах, о темпе развития, о тех или иных видоизменениях общего направления и т. д.

Основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России является признание типа этого хозяйства мелко буржуазным. Споры экономистов-марксистского лагеря с экономистами-народниками, пре-

жде всего, шли (и должны идти, если имеется в виду выяснение действительной сущности разногласий) именно о том, правильна ли, применима ли такая характеристика. Не выяснив с полной определенностью *этого* вопроса, нельзя сделать ни шагу вперед к каким-нибудь более конкретным или практическим вопросам. Например, рассматривать те или иные пути решения аграрного вопроса завещанные XIX веком XX, было бы предприятием совершенно безнадежным и путаным, если бы не было выяснено предварительно, в каком направлении вообще идет наша аграрная эволюция, какие классы могут сыграть при том или ином ходе событий и т. д.

Те подробные данные о разложении крестьянства, которые мы приводили выше, выясняют именно ту основу всех остальных вопросов аграрного переворота, без понимания которой нельзя идти дальше. Та сумма взаимоотношений между различными группами крестьянства, которую мы в противоположных концах России детально изучали, показывает нам как раз сущность общественно-экономических отношений внутри общины. Эти взаимоотношения показывают наглядно мелкобуржуазную природу крестьянского хозяйства в данной исторической обстановке. Когда марксисты говорили, что мелкий производитель в земледелии (все равно, на наделной ли земле он хозяйничает или на какой другой) является неизбежно при развитии товарного хозяйства мелким буржуа, — это положение вызывало недоумение; говорили, что оно бездоказательно, шаблонно переносится с чужих образцов на наши оригинальные условия. Но данные о взаимоотношении групп, о перебивании арендованной земли богатыми общинниками у несостоятельных общинников, о найме батраков первыми и о превращении вторых в наемных рабочих и т. д., и т. д., и т. д. — все эти данные подтверждают теоретические выводы марксизма и делают их неоспоримыми. Вопрос о значении общины в деле направления хозяйственного развития России *решается бесповоротно* этими данными, ибо как раз это действительное направление действительной (а не выдуманной) общины наши данные и показывают. Несмотря на всю уравнивательность наделной земли, несмотря на переделы и т. п., *оказывается*, что направление действительного хозяйственного развития крестьян-общинников состоит именно в образовании сельской буржуазии и в вытеснении массы беднейших хозяев в ряды пролетариата. И столыпинская аграрная политика,

как мы увидим ниже, и требуемая трудовиками национализация земли лежат по линии этого развития, хотя между этими двумя формами «решения» аграрного вопроса есть громадная разница с точки зрения быстроты общественного развития, роста производительных сил и наибольшего соблюдения интересов массы.

Нам следует теперь рассмотреть еще вопрос о развитии торгового земледелия в России. Предыдущее изложение включало в себя, как предпосылку, тот общеизвестный факт, что вся пореформенная эпоха отличается ростом торговли и обмена. Приводить статистические данные, подтверждающие это, нам кажется совершенно излишним. Но надо показать, во-первых, насколько именно подчинено уже рынку теперешнее крестьянское хозяйство, а во-вторых, какие *особые* формы принимает земледелие по мере подчинения его рынку.

По первому вопросу всего более точные данные имеются в бюджетной статистике Воронежского земства. Мы можем выделить здесь денежные расход и доход крестьянской семьи из всего расхода и дохода (валовые итоги дохода и расхода приводились выше). Вот табличка, показывающая роль рынка:

Какой процент составляют
денежные расход и доход
у крестьянина ко всему
расходу и доходу?

	%	%
Безлошадные	57,1	51,6
С 1 лошадыю	46,5	41,4
» 2 „	43,6	45,7
» 3 „	41,5	42,3
» 4 „	45,4	40,8
» 5 и более	60,2	59,2
В среднем	49,1	47,5

Таким образом даже хозяйство *среднего* крестьянина, — не говоря уже о хозяйстве зажиточных и обнищавших, полупролетариев, крестьян, — в чрезвычайно сильной степени подчинено рынку. Поэтому всякое рассуждение о крестьянском хозяйстве, игнорирующее преобладающую и растущую роль рынка, обмена, товарного производства, неправильно в корне. Уничтожение крепостнических латифундий и помещичьего землевладения — эта мера, на которой сосредоточены все помыслы русского крестьянства к концу XIX века, *усилит*, а не ослабит власть рынка, ибо рост торговли и товарного производства *задерживается* отработкой и кабалой.

По второму вопросу необходимо указать, что проникновение капитала в земледелие есть своеобразный процесс, который нельзя понять правильно, если ограничиваться огульными, общерусскими данными. Земледелие становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и в различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой другую сторону сложного земледельческого хозяйства, при чем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т.-е. денежной, стороне. Например, в одной местности складывается по преимуществу торговое зерновое хозяйство; главным продуктом, производимым на продажу, является зерно. Скотоводство играет подчиненную роль в таком хозяйстве и далее — в крайних случаях одностороннего развития посевного хозяйства — почти исчезает. Например, «пшеничные фабрики» дальнего запада в Америке организовывались иногда на одно лето почти без скота. В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоводческое хозяйство; главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты. Чисто земледельческое хозяйство приспособляется к скотоводческому. Понятно, что и размеры хозяйства и способы организации хозяйства будут различны в том и другом случае. Нельзя судить по величине посева о подгородном молочном хозяйстве. Нельзя брать одинаковую мерку крупного и мелкого хозяйства для степного посевищика, для огородника, для табаководы, для «молочного фермера» (если употребить английское выражение) и т. д.

Проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию его, и эта специализация все растет. Одни и те же показатели хозяйства (число лошадей, напр.) получают разное значение в различных районах торгового земледелия. Среди безлошадных крестьян в подстоличной местности есть, напр., крупные хозяева, имеющие, допустим, молочный скот, делающие большие обороты, держащие наемных рабочих. Конечно; в общей массе безлошадных и однолошадных число подобных фермеров совершенно ничтожное; но если мы будем брать одни валовые данные, охватывающие целую страну, то мы не сможем учесть особого вида капитализма в земледелии.

На это обстоятельство надо обратить особое внимание. Игнорируя его, нельзя составить правильного представле-

ния о развитии капитализма в земледелии и легко впасть в ошибку упрощения. Всю сложность процесса можно охватить, лишь считаясь с действительными особенностями земледелия. Когда говорят, что земледелие в силу его особенностей не подчиняется законам капиталистического развития, то это совершенно неверно. Особенности земледелия тормозят подчинение земледелия рынку, это так, но тем не менее везде и во всех странах идет неуклонно процесс *роста торгового земледелия*. Но формы этого образования торгового земледелия, действительно, своеобразны и требуют особых методов изучения.

Чтобы пояснить сказанное, возьмем наглядные примеры из различных районов торгового земледелия в России. В районе торгового зернового хозяйства (Новороссия, Запорожье) мы видим чрезвычайно быстрый рост сбора зерновых хлебов; в 1864 — 1866 гг. эти губернии стояли позади центральных черноземных, имея только 2,1 четверти чистого сбора на душу населения; в 1883 — 1887 гг. эти губернии были впереди центра, имея чистый сбор по 3,4 четверти на душу. Расширение посевов — вот что всего более характерно для этого района в пореформенную эпоху. Очень часто обработка земли здесь самая примитивная — все внимание устремлено исключительно на запашку как можно большей площади. Здесь складывалось во второй половине XIX века нечто подобное американским «шеничным фабрикам». По величине посева (доходившей у крестьян высших групп до 271 дес. на двор) вполне можно судить о размере и типе хозяйства. В другом районе — в промышленном и в частности подстоличном — о подобном расширении посевов не может быть и речи. Не торговое зерновое хозяйство, а торговое скотоводство является здесь особенно характерным. По числу десятин обрабатываемой земли или по числу рабочих лошадей здесь уже нельзя составить правильного представления о хозяйстве. Гораздо более пригодным мерилom является число коров (молочное хозяйство). Изменение севооборота, посев трав, а не расширение посевов составляет здесь характерный признак прогресса крупного хозяйства. Многолошадных дворов здесь меньше; может быть, даже уменьшение числа лошадей означает иногда прогресс хозяйства. Зато коровами здешние крестьяне богаче, чем в остальной России. Г-н Благовещенский по итогам земской статистики считал в среднем по 1,2 коровы на двор; в 18 уездах Петербургской, Московской, Тверской и Смоленской губ. имеем по

1,6, а в одной Петербургской — по 1,8 на двор. И торговый капитал и капитал, вкладываемый в производство, сперируют здесь преимущественно с продуктами скотоводства. Размер дохода зависит всего больше от числа молочных коров. Складываются «молочные фермы». Развивается наем земледельческих рабочих зажиточными крестьянами; мы уже отмечали, что в *промышленные* губернии идут из оскуделого центра на *земледельческие* работы. Одним словом, те же самые общественно-экономические отношения проявляются здесь в совершенно иной форме, при агрикультурных условиях, не похожих на чисто-земледельческие.

А если взять специальные культуры, напр., табаководство, или соединение земледелия с технической обработкой продуктов (винокурение, свекло-сахарное, маслобойное, картофельно-крахмальное и др. производства), то формы проявления предпринимательских отношений здесь окажутся непохожими ни на те, которые существуют при торговом зерновом хозяйстве, ни на те, которые складываются при торговом скотоводстве. За мерило здесь придется взять либо количество специальных посевов, либо размер того предприятия по технической обработке продуктов, которое связано с данным хозяйством.

Валовая статистика земледелия, имеющая дело только с размерами площадей или с количеством скота, далеко не учитывает всего этого разнообразия форм, и поэтому сплошь да рядом заключения, основанные только на справке с подобной статистикой, оказываются неверными. Рост торгового земледелия идет гораздо быстрее, влияние обмена простирается шире, капитал преобразует сельское хозяйство гораздо глубже, чем можно думать по общим валовым цифрам и абстрактным средним.

VII

Подводим теперь итоги изложенному выше о сущности аграрного вопроса и аграрного кризиса в России к концу XIX века.

В чем сущность этого кризиса? М. Шанин в брошюре: «Муниципализация или раздел в собственность» (Вильна, 1907 г.) настаивает на том, что наш земледельческий кризис есть кризис агрикультурный, что самые глубокие корни его — необходимость поднятия техники земледелия, невероятно низкой в России, необходимость перехода к высшим системам полеводства и т. д.

Это мнение неверно, потому что оно слишком абстрактно. Необходимость перехода к высшей технике несомненна, но, во-первых, этот переход и происходил на деле после 1861 г. в России. Как ни медленен прогресс, но совершенно бесспорно, что и помещичье и крестьянское хозяйство в лице зажиточного меньшинства переходили к травосеянию, к употреблению улучшенных орудий, к более систематическому и тщательному удобрению земли и т. д. А раз этот медленный прогресс земледельческой техники есть всеобщий процесс, идущий с 1861 г., то очевидно, что недостаточно еще указать на него для объяснения всеми признаваемого обострения земледельческого кризиса к концу XIX века. Во-вторых, обе формы «решения» аграрного вопроса, наметившиеся в жизни, и столыпинское решение *сверху*, путем сохранения помещичьего землевладения и окончательного уничтожения общины, разграбления ее кулаками, — и крестьянское (трудовическое) решение *снизу* путем уничтожения помещичьего землевладения и национализации всей земли, оба эти решения по-своему облегчают переход к высшей технике, идут по линии агрикультурного прогресса. Только одно решение базирует этот прогресс на ускорении процесса выталкивания крестьянской бедноты из земледелия, другое — на ускорении процесса вытеснения отработков путем уничтожения крепостнических латифундий. Что крестьянская беднота «хозяйничает» на своей земле из рук вон плохо, это факт несомненный. Несомненно, значит, что если отдать ее земли на поток и разграбление кучке зажиточного крестьянства, то агрикультура поднимается. Но точно так же несомненный факт и то, что помещичьи земли, эксплуатируемые посредством отработков и кабалы, обрабатываются из рук вон плохо, *хуже наделных земель* (припомните приведенные выше данные: с наделных земель 54 пуда с 1 дес., с экономических 66, с находящихся в испольной обработке 50, с арендованных погодно крестьянами 45). Отработочная система помещичьего хозяйства есть сохранение невероятно отсталых приемов земледелия, есть увековечение варварства и в агрикультуре, и во всей общественной жизни. Несомненно, значит, что если вырвать все отработки с корнем, т.-е. совершенно уничтожить (и при том без выкупа) все помещичье землевладение, то агрикультура поднимется.

Следовательно, сущность аграрного вопроса и аграрного кризиса состоит не в том, чтобы устранить помехи подня-

тию агрикультуры, а в том, *каким образом* устранить эти помехи, какому классу и какими методами провести это устранение. А устранить помехи развитию производительных сил страны безусловно необходимо, — не только в субъективном смысле слова необходимо, но и в объективном, т.-е. это устранение неизбежно, и никакие силы не в состоянии предотвратить его.

Ошибка М. Шанина, которую делают также очень многие писатели по аграрному вопросу, состоит в том, что он взял верное положение о необходимости поднятия земледельческой техники слишком абстрактно, не учтя своеобразных форм сплетения крепостнических и капиталистических черт в русском земледелии. Главной и основной помехой развитию производительных сил сельского хозяйства России являются пережитки крепостничества, т.-е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д. и т. д. Устранение этих пережитков крепостничества давно стало хозяйственной необходимостью, и кризис земледелия к концу XIX века обострился невероятно сильно именно потому, что процесс освобождения России от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала слишком долго «зажились». Они отмирали после 1861 г. до того медленно, что новому организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества.

Каков этот новый хозяйственный организм русского земледелия? Это мы старались показать в предыдущем изложении особенно подробно, ибо на этот счет существуют особенно неправильные представления у экономистов либерально-народнического лагеря. Новый хозяйственный организм, который вылезает у нас из крепостнической скорлупы, есть торговое земледелие и капитализм. Экономика помещичьего хозяйства, поскольку оно ведется не отработками, не кабалой наделного крестьянина, показывает с полнейшей ясностью капиталистические черты. Экономика крестьянского хозяйства — поскольку мы умеем заглянуть внутрь общины и посмотреть, что делается в жизни вопреки официальной уравнительности наделного землевладения — показывает нам опять-таки везде и повсюду чисто капиталистические черты. Рост торгового земледелия идет в России непрерывно, несмотря на все помехи, и это торговое земледелие неизбежно превращается в капиталистическое, хотя формы этого превра-

ления в высшей степени разнообразны и видоизменяются в отдельных районах.

В чем должно состоять то насильственное устранение средневековой скорлупы, которое стало необходимостью для дальнейшего свободного развития нового хозяйственного организма? В уничтожении средневекового землевладения. Средневековым является в России до сих пор и помещичье землевладение, и в значительной части также крестьянское. Мы видели, как новые экономические условия ломают эти средневековые рамки и перегородки землевладения, заставляя бедного крестьянина сдавать свой исконный надел, заставляя зажиточного крестьянина составлять свое, сравнительно крупное, хозяйство из кусочков различных земель: и наделных, и купчих, и арендованных у помещика. И на помещичьей земле разделение земель под отработками, под погодной крестьянской арендой, под экономическим посевом показывает, что новые системы хозяйства строятся вне рамок старого, средневекового, землевладения.

Уничтожить это землевладение можно сразу, решительно разорвав с прошлым. Такой мерой является национализация земли, которой и требовали, более или менее последовательно, все представители крестьянства в период 1905 — 1907 годов *. Уничтожение частной собственности на землю несколько не изменяет буржуазных основ торгового и капиталистического землевладения. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто национализация земли имеет что-либо общее с социализмом или даже с уравнительностью землепользования. Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства. Национализация же есть превращение земли в собственность государства, и такое превращение несколько не затрагивает частного хозяйства на земле. Будет ли земля собственностью или «достоянием» всей страны, всего народа, от этого не меняется система хозяйства на земле, совершенно точно так же, как не меняется (капиталистическая) система хозяйства у зажиточного мужика, покупает ли он землю «навечно», арендует ли помещичью или казенную землю, «собирает» ли наделы опустившихся несостоятельных крестьян. Раз остается обмен, о социализме смеш-

* О представителях крестьянства в период первой русской революции — см. статью «Аграрная программа социалдемократии в первой русской революции 1905 — 1907 годов», гл. II, § 6 и 7. Сочинения, т. XI, стр. 377 — 386. *Ред.*

но и говорить. А обмен продуктов земледелия и средств производства совершенно не зависит от форм землевладения. (Замечу в скобках, что я излагаю здесь только экономическое значение национализации, а не защищаю ее как программу; такую защиту я дал в названной выше работе *.)

Что касается уравнительности, то мы уже показали выше применение ее на деле при распределении надельной земли. Мы видели, что надельная земля распределяется внутри общины довольно уравнительно, лишь слегка подаваясь в сторону богачей. Но от этой уравнительности остается в результате очень мало вследствие сдачи земли беднотой и концентрации аренды в руках богачей. Ясно, что никакая уравнительность землевладения не в силах устранить неравномерности действительного землепользования, раз есть на-лицо имущественные различия между хозяевами и система обмена, обостряющая эти различия.

Экономическое значение национализации совсем не в том, где его сплошь да рядом ищут. Не в борьбе с буржуазными отношениями состоит оно (национализация — самая последовательная буржуазная мера, как давно показал Маркс), а в борьбе с крепостническими отношениями. Пестрота средневекового землевладения тормозит хозяйственное развитие; сословные рамки мешают торговому обороту; несоответствие старого землевладения и нового хозяйства порождает острые противоречия; помещики благодаря латифундиям затягивают существование отработков; крестьяне заперты точно в гетто **, в надельном землевладении, рамки которого жизнь ломает на каждом шагу. Национализация сметает все средневековые отношения в землевладении дочиства, уничтожает все искусственные перегородки на земле, делает землю действительно свободной — для кого? для всякого гражданина? Ничего подобного. Свобода безлошадного крестьянина (т.-е. 3¼ млн. дворов) состоит, как мы видели, в том, чтобы сдавать надельную землю. Земля становится свободной — для хозяина, для того, кто действительно хочет и может

* См. XI том Сочинений, стр. 389 — 415. *Ред.*

** — кварталы, отводившиеся в средневековых городах Зап. Европы для еврейского населения с запрещением для него селиться за его пределами. В царской России этому соответствовала «чорта оседлости» (евреи, за исключением некоторых, пользовавшихся привилегией, групп, могли жить только в определенных губерниях). *Ред.*

обрабатывать ее так, как этого требуют современные условия хозяйства вообще и мирового рынка в частности. Национализация ускорила бы смерть крепостничества и развитие чисто буржуазного фермерства на свободной от всяческого средневекового хлама земле. Вот действительное историческое значение национализации в России, как она сложилась к концу XIX века.

Что касается до другого, объективно не невозможного, пути расчистки землевладения для капитализма, то он состоит, как мы видели, в ускоренном ограблении общины богатыми и в укреплении частной земельной собственности у зажиточного крестьянства. Главный источник отработки и кабалы остается при этом незатронутым, помещичьи латифундии остаются. Ясно, что такой способ расчистки пути для капитализма в неизмеримо меньшей степени обеспечивает свободное развитие производительных сил, чем первый. Раз сохраняются латифундии, неизбежно сохранение и кабального крестьянина, эксплуатации, мелкой погодной аренды, обработки «барских» земель крестьянским инвентарем, т.-е. сохранение самой отсталой культуры и всего того азиатского варварства, которое называется патриархальным деревенским бытом.

Два, указанные мною, способа «решения» аграрного вопроса в развивающейся буржуазной России соответствуют двум путям развития капитализма в земледелии. Я называю эти пути прусским и американским. Первый характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодалные черты. Прусское помещичье землевладение не разбито буржуазной революцией, а уцелело и стало основой «юнкерского» хозяйства, капиталистического в основе, но не обходящегося без известной зависимости сельского населения вроде *Gesindeordnung* * и т. п. От этого социальное и политическое господство юнкеров упрочено на долгие десятилетия после 1848 г., и развитие производительных сил германского земледелия шло несравненно медленнее, чем в Америке. Там, наоборот, основой капиталистического земледелия послужило не старое рабовладельческое хозяйство крупных помещиков (гражданская война разбила рабовладельческие экономии), а свободное хозяйство свободного фермера на свободной

* — Устав о дворовой челяди. *Ред.*

земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны, и от пут частной собственности на землю. Земли раздавались в Америке из ее громадного земельного запаса за номинальную плату, и лишь на новой, вполне капиталистической основе развилась там теперь частная собственность на землю.

Оба эти пути капиталистического развития вполне ясно обрисовались в России после 1861 года. Несомненен прогресс помещичьего хозяйства, при чем медленность этого прогресса не случайна, а неизбежна, пока сохраняются пережитки крепостничества. Несомненно также, что, чем свободнее крестьянство, чем меньше давят на него остатки крепостного права (на юге, напр., есть все эти благоприятные условия), наконец, чем лучше в общем и целом обеспечено крестьянство землей, тем сильнее разложение крестьянства, тем быстрее идет образование класса сельских предпринимателей-фермеров. Весь вопрос дальнейшего развития страны сводится к тому, какой же из этих путей развития возьмет окончательно верх над другим, и, соответственно этому, какой класс проведет необходимое и неизбежное преобразование: старый ли барин-землевладелец или свободный крестьянин-фермер.

У нас думают нередко, что национализация земли означает изъятие земли из торгового оборота. На этой точке зрения безусловно стоит большинство передовых крестьян и идеологов крестьянства. Но такой взгляд в корне ошибочен. Как раз наоборот. Частная собственность на землю является помехой свободному приложению капитала к земле. Поэтому при свободной аренде земли у государства (а к этому сводится сущность национализации в буржуазном обществе) земля *сильнее* втягивается в торговый оборот, чем при господстве частной поземельной собственности. Свобода приложения капитала к земле, свобода конкуренции в земледелии гораздо больше при свободной аренде, чем при частной собственности. Национализация земли, это — так сказать, лэндлордизм без лэндлорда *. А что значит лэндлордизм в деле капиталистического развития земледелия, об этом замечательно глубоко рассуждает Маркс в «Теориях прибавочной стои-

* Лэндлордами в Англии называются крупные землевладельцы, помещики, принадлежащие к высшему привилегированному сословию. Рсд.

мости». Я привел его рассуждение в названной выше работе об аграрной программе, но позволю себе в виду важности вопроса повторить его здесь еще раз *.

В параграфе об исторических условиях теории ренты Рикардо («Theorien über den Mehrwerth», II Band, 2 Theil, Stuttgart, 1905, S. 6 — 7) ** Маркс говорит, что Рикардо и Андерсон «исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте». Именно: они предполагают, что «не существует вовсе поземельной собственности, как помехи любому применению капитала к земле». На первый взгляд, это — противоречие, потому что как раз в Англии феодальная поземельная собственность считается в особенности полно сохранившейся. Но Маркс объясняет, что именно в Англии капитал «расправлялся так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, как нигде на свете». В этом отношении Англия — «самая революционная страна в мире». «Все исторически унаследованные распорядки там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены самые эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельско-хозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства, но и само это хозяйство. У немцев, — продолжает Маркс, — экономические распорядки оказались определены традиционными отношениями общинных земель (Feldmarken), расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распорядки земледелия оказались постепенно созданы капиталом, начиная с XV века. Английское техническое выражение «clearing of estates» («чистка земель») не встречается ни в одной континентальной стране. А что означает это clearing of estates? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением — его выгоняли; ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей; ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом; ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, напр., пахотные

* См. статью «Аграрная программа социалдемократии в первой русской революции 1905 — 1907 годов», гл. II, § 5, Сочинения, XI том, стр. 375 — 377. *Ред.*

** — «Теории прибавочной стоимости», II том, 2-я часть, Штутгарт, 1905 г., стр. 6 — 7. *Ред.*

поля в выгон для скота; одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного приложения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю*, ибо эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода. «Какой-нибудь померанский помещик» (Маркс имеет в виду Родбертуса, теорию ренты которого он опровергает блестяще и детально в данном сочинении), «у которого в голове только и есть, что староребовские общинные земли, центры хозяйства, коллегия землевладения и т. п., может поэтому в ужасе всплескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на развитие земледельческих отношений». На самом же деле «английские условия — единственные условия, в которых адекватно (с идеальным совершенством) развилась совершенная собственность на землю, т.-е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством. Английская теория (т.-е. теория ренты Рикардо) является в этом пункте классической для современного, т.-е. капиталистического, способа производства».

В Англии эта чистка земли шла в революционных формах с насильственной ломкой крестьянского землевладения. Ломка старины, отжившей свое время, абсолютно неизбежна и в России, но девятнадцатый век (да и первые 7 лет двадцатого) не решились еще вопроса о том, какой класс и в какой форме произведет необходимую для нас ломку. Мы показали выше, какова основа распределения земли в России в настоящее время. Мы видели, что 10¹/₂ млн. крестьянских дворов с 75 млн. дес. земли противостоят 30 000 владельцев латифундий с 70 млн. десятин. Один из возможных исходов борьбы, которая не может не разгораться на такой почве, состоит в том, что землевладение десяти миллионам дворов почти удвоится, а землевладение верхних тридцати тысяч исчезнет. Рассмотрим этот возможный исход чисто теоретически, с точки зрения того, как сложился аграрный вопрос в России к концу XIX века. Каковы должны были бы быть результаты такой перемены? С точки зрения отношений землевладения очевидно, что средневековое надельное и средневековое помещичье землевладения были бы перетасованы

заново. Старина была бы сметена дотла. В отношениях землевладения не осталось бы ничего традиционного. Какая же сила определила бы новые отношения землевладения? «Принцип» уравнительности? Так склонен думать передовой крестьянин, затронутый народнической идеологией. Так думает народник. Но это иллюзия. В общине признанный законом и освященный обычаем «принцип» уравнительности ведет на деле к приспособлению землевладения к различиям в имущественной состоятельности. И на основании этого *экономического факта*, тысячекратно подтверждаемого и русскими данными, и западноевропейскими, мы утверждаем, что надежда на уравнительность разлетелась бы как иллюзия, а *перетасовка землевладения осталась бы как единственный прочный результат*. Велико ли значение *такого* результата? Чрезвычайно велико, ибо никакая иная мера, никакая иная реформа, никакое иное преобразование не могли бы дать таких полных гарантий наиболее быстрого, широкого и свободного прогресса земледельческой техники в России и исчезновения из нашей жизни всех следов крепостничества, сословности, азиатчины.

Прогресс техники? — возразят нам, пожалуй. Но не показано ли выше точными данными, что помещичье хозяйство стоит выше крестьянского хозяйства и по травосеянию, и по употреблению машин, и по удобрению, и по качеству скота, конечно и т. д.? Да, это показано, и факт этот совершенно несомненен. Но не надо забывать, что *все* эти различия в хозяйственной организации, технике и пр. суммируются в *урожайности*. А мы видели, что урожаи с помещичьих земель, *находящихся в испольной и т. п. обработке у крестьян*, ниже урожаев на наделной земле. Вот какое обстоятельство почти всегда забывают, говоря об агрикультурном уровне помещичьего и крестьянского хозяйства в России! Помещичье хозяйство стоит выше, *поскольку* оно ведется капиталистически. И вся суть в том, что это «поскольку» к концу XIX века оставило отработки преобладающей в нашем центре системой хозяйства. *Поскольку* на помещичьих землях хозяйничает и теперь своими стародадовскими орудиями, способами и т. д. кабальный крестьянин, *постольку* помещичье землевладение есть главная причина отсталости и застоя. Перемена в землевладении, обсуждаемая нами, подняла бы урожай с испольных и арендованных земель (теперь этот урожай — см. цифры выше — 50 и 45 пуд. при 54 пуд. на наделной

земле и 66 пуд. на владельческих посевах). Если бы даже этот урожай поднялся *только* до уровня урожая с наделных земель, то и тогда шаг вперед был бы громадный. Но понятно само собой, что и урожай с наделных земель поднялся бы как вследствие освобождения крестьянина от гнета крепостнических латифундий, так и в силу того, что наделные земли стали бы тогда, подобно всем остальным землям государства, свободными землями, одинаково доступными (не всем гражданам, а гражданам с земледельческим капиталом, т.-е. —) фермерам.

Этот вывод вытекает вовсе не из данных об урожайности, взятых нами. Напротив, эти данные взяты лишь для наглядной иллюстрации вывода, вытекающего из *всей совокупности* данных об эволюции русского помещичьего и крестьянского хозяйства. Чтобы опровергнуть этот вывод, надо опровергнуть тот факт, что история русского земледелия во второй половине XIX века есть история смены крепостнических производственных отношений буржуазными.

Если держаться данных о числе крестьянских хозяйств в настоящее время, то может получиться впечатление, что рассматриваемое нами аграрное преобразование повело бы к чрезвычайному раздроблению земледелия. Помилуйте, тринадцать миллионов хозяйств на 280 млн. десятин! разве это не чудовищное распыление? Мы ответим на это: ведь это *теперь* мы видим такое безмерное распыление, ибо *теперь* тринадцать миллионов хозяйств *хозяйничают* на *меньшей* площади, чем 280 млн. десятин! Следовательно, перемена, интересующая нас, ни в каком случае не внесла бы ухудшения в рассматриваемом отношении. Мало того. Мы ставим дальше вопрос, есть ли основание думать, что общее число хозяйств останется при этой перемене прежним? Обыкновенно смотрят именно так под влиянием народнических теорий и мнений самих крестьян, которые всеми помыслами тянут к земле и способны мечтать даже о превращении промышленных рабочих в мелких земледельцев. Несомненно, некоторое число русских промышленных рабочих в конце XIX века стоят и сами на этой крестьянской точке зрения. Но вопрос в том, *верна* ли эта точка зрения? соответствует ли она *объективным* хозяйственным условиям и ходу экономического развития? Достаточно поставить ясно этот вопрос, чтобы увидеть, что крестьянский взгляд определяется отживающим и безвозвратным прошлым, а не нарастающим будущим. Кре-

стьянский взгляд *неверен*. Он представляет из себя идеологию вчерашнего дня, а экономическое развитие *на деле* ведет не к увеличению, а к уменьшению земледельческого населения.

Перемена в отношениях землевладения, рассматриваемая нами, не уничтожит и не может уничтожить этого процесса уменьшения доли земледельческого населения, процесса, общего всем странам развивающегося капитализма. Каким образом могла бы эта перемена, спросят меня, пожалуй, повлиять на уменьшение земледельческого населения, раз доступ к земле стал бы свободен для всех? Я отвечу на это цитатой из одной думской речи крестьянского депутата (Полтавской губ.) г. Чижевского. В заседании 6 июня (24 мая) 1906 г. он говорил:

«У нас крестьяне, те же выборщики, которые посылали нас сюда, производили, напр., такой расчет: «Если бы мы были немного богаче, и если бы каждая семья могла пять-шесть рублей в год расходовать на сахар, — в каждом из тех уездов, где возможно производство свеклы, возникло бы несколько сахарных заводов, вдобавление к тем, которые существуют теперь». Совершенно естественно, что если бы эти заводы возникли, какая масса рук потребовалась бы для хозяйства при интенсификации! Увеличилось бы производство сахарных заводов и т. д.» («Стенограф. отчеты», стр. 622).

Это — чрезвычайно характерное признание местного деятеля. Если бы спросить его мнение о значении аграрного преобразования вообще, он, наверное, высказал бы народнические взгляды. Но раз вопрос встал не о «мнениях», а о *конкретных* последствиях преобразования, *капиталистическая правда* сразу взяла верх над *народнической утонией*. Ибо то, что сказали крестьяне своему депутату г. Чижевскому, есть именно капиталистическая правда, правда капиталистической действительности. Рост числа сахарных заводов и производительности их действительно был бы громаден при всяком сколько-нибудь серьезном улучшении положения массы мелких земледельцев; и само собою понятно, что не только свеклосахарное производство, но все отрасли обрабатывающей промышленности: текстильная, железоделательная, машиностроительная, строительная вообще и пр. и пр., получили бы громадный толчок, потребовали бы «массы рук». И эта экономическая необходимость оказалась бы сильнее всех прекрасных упований и мечтаний об уравнительности. Три с четвертью миллиона безлошадных дворов не станут «хозяевами» *ни от какого* аграрного преобразования, ни от каких перемен

в землевладении, ни от какого «наделения землей». Эти миллионы дворов (да и не малая часть однолошадных) *маются*, как мы видели, на своих кусочках земли, *сдают свои наделы*. Американское развитие промышленности *неминуемо* отвлекло бы большинство таких безнадежных в капиталистическом обществе хозяев от земледелия, и никакое «право на землю» не в силах будет помешать этому отвлечению. Тринадцать миллионов мелких хозяев с самым жалким, нищенским и устарелым инвентарем, ковыряющих и свою надельную и барскую землю, это — действительность сегодняшнего дня; это — *искусственное перенаселение в земледелии*, искусственное в смысле наследственного удержания тех крепостнических отношений, которые давно пережили себя и *не могли бы* продержаться ни одного дня без экзекуций, расстрелов, карательных экспедиций и т. п. Всякое серьезное улучшение в положении массы, всякий серьезный удар крепостническим пережиткам *неминуемо* подорвали бы это перенаселение деревни, усилили бы в громадных размерах (идущий медленно и теперь) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности, уменьшили бы число хозяйств с 13 млн. до гораздо более низкой цифры, повели бы Россию вперед по-американски, а не по-китайски, как теперь.

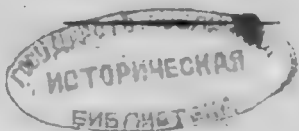
Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача.

Написано 1 июля нов. ст. 1908 г.

Впервые напечатано в 1918 г. отдельной брошюрой в изд. «Жизнь и Знание». Москва.

Печатается по тексту 2-го изд.

Сочинений, т. XII, стр. 215 — 275.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I	3
II	13
III	21
IV	33
V	43
VI	51
VII	58

(51 — 100 тысяча)

Под наблюдением редактора *Д. Кунина*. Технич. редактор *М. Пиотрович*.
Книга сдана в производство с матриц 29/VII — 1932 г. Партиздат № 867/м.
Тираж 50000. Ленгорлит № 50420. Заказ № 1059. Бумага 82×110 (1/32) см.,
4 1/2 п. л. (149248 тип. знак. на 1 бум. л.) Бум. л. 1 1/8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) ПАРТИЗДАТ

Вышли из печати

В. И. Ленин — О двух линиях революции.

Стр. 8. Цена 8 к.

В. И. Ленин — О брошюре Юниуса.

Стр. 16. Цена 10 к.

В. И. Ленин — К четырехлетней годовщине Октябрьской революции.

Стр. 8. Цена 8 к.

В. И. Ленин — Фридрих Энгельс.

Стр. 8. Цена 8 к.

В. И. Ленин — Письмо к товарищу о наших организационных задачах.

Стр. 16. Цена 10 к.

В. И. Ленин — О продовольственном налоге.

Стр. 36. Цена 20 к.

В. И. Ленин — Грозящая катастрофа и как с ней бороться.

Стр. 40. Цена 23 к.

В. И. Ленин — Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата.

Стр. 12. Цена 8 к.

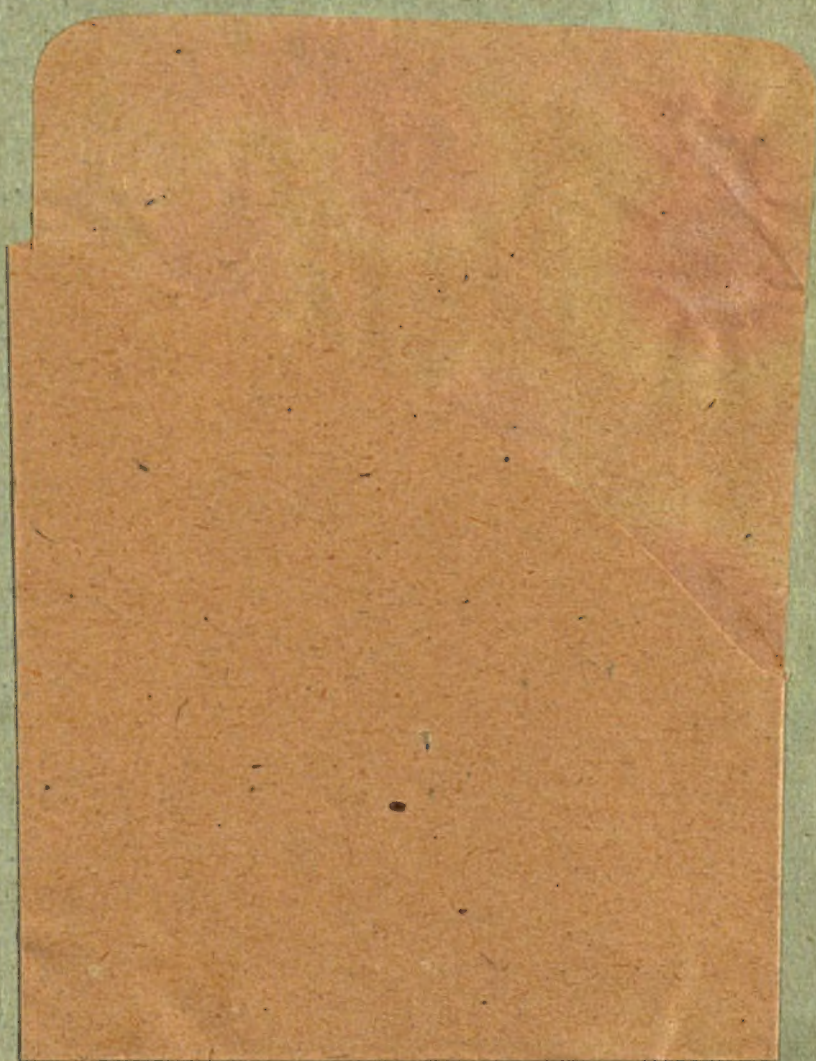
В. И. Ленин — Об обмане народа лозунгами свободы и равенства.

Стр. 40. Цена 23 к.

В. И. Ленин — Письма о тактике.

Стр. 16. Цена 10 к.

*Заказы направлять во все магазины
Партиздата и книготоргового объединения ОГИЗ'а.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) — ПАРТИЗДАТ

Вышли из печати

- В. И. ЛЕНИН** — Успехи и трудности советской власти.
Стр. 32. Ц. 20 к.
- В. И. ЛЕНИН** — Социалистическая революция и право наций на самоопределение.
Стр. 16. Ц. 10 к.
- В. И. ЛЕНИН** — Итоги дискуссии о самоопределении.
Стр. 40. Ц. 25 к.
- В. И. ЛЕНИН** — К деревенской бедноте.
Стр. 61. Ц. 35 к.
- В. И. ЛЕНИН** — Шаг вперед, два шага назад.
Стр. 162. Ц. 1 р. Коленик. пер. 85 к.
- В. И. ЛЕНИН** — Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата.
Стр. 22. Ц. 15 к.
- В. И. ЛЕНИН** — О праве наций на самоопределение.
Стр. 56. Ц. 35 к.
- В. И. ЛЕНИН** — О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“.
Стр. 48. Ц. 30 к.
- В. И. ЛЕНИН** — О продовольственном палате.
Стр. 36. Ц. 20 к.
- В. И. ЛЕНИН** — О „левом“ ребячестве и о мелко-буржуазности.
Стр. 32. Ц. 20 к.
- В. И. ЛЕНИН** — Письма из далека.
Стр. 40. Ц. 25 к.
- В. И. ЛЕНИН** — Странички из дневника.
Стр. 40. Ц. 25 к.
- В. И. ЛЕНИН** — Письма о тактике.
Стр. 16. Ц. 10 к.

*Заказы направлять во все магазины
Партиздата и книготоргового
объединения СТИЗа*